

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИЦИЯ ХАЙСМИТ

Любите вы детективы или нет,
но «Глубокие воды» — обязательное чтение.

Sunday Times

ГЛУБОКИЕ ВОДЫ

Я без ума от Патриции Хайсмит.
Каждая ее книга — подлинное откровение.
Гиллиан Флинн, автор романа «Исчезнувшая»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Патриция Хайсмит

Глубокие воды

«Азбука-Аттикус»

1957

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хайсмит П.

Глубокие воды / П. Хайсмит — «Азбука-Аттикус»,
1957 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-18347-6

Впервые на русском – классический роман «самого убийственного экзистенциалиста в детективной прозе» (Boston Globe), автора экранизированных Хичкоком «Незнакомцев в поезде» и многократно перенесенной на киноэкран серии книг о Томе Рипли. Виктору ван Аллену тридцать шесть лет. Он живет в городке Литтл-Уэсли, штат Массачусетс, и его жена Мелинда ему изменяет. До поры до времени Вик терпит ее измены, но однажды решает бороться – и, для романтической загадочности, выдумывает историю об убийстве. А от мнимого убийства до убийства самого настоящего у Хайсмит – один шаг... У романа есть французская киноверсия (1981) – режиссер Мишель Девиль, в главных ролях Жан-Луи Трентиньян и Изабель Юппер, – а в 2022 году в мировой прокат вышла новая экранизация: постановщик Эдриан Лайн («ЭИ неделя», «Роковое влечение», «Лестница Иакова», «Непристойное предложение», «Лолита», «Неверная»), в главных ролях Бен Аффлек и Ана де Армас. «Любите вы детективы или нет, но „Глубокие воды“ – обязательное чтение» (Sunday Times).

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-18347-6

© Хайсмит П., 1957
© Азбука-Аттикус, 1957

Содержание

1	8
2	16
3	19
4	27
5	31
6	36
7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Патриция Хайсмит

Глубокие воды

Э. Б. Х.¹ и Тине²

Ничего нет хитрее, как собственное лицо, потому что никто не поверит.

*Слова Петра Степановича,
«Бесы», Ф. М. Достоевский*

Patricia Highsmith

DEEP WATER

Copyright © 1993 by Diogenes Verlag AG, Zurich

First published in 1957

All rights reserved

Перевод с английского Александра Александрова

© А. П. Александров, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Патриция Хайсмит создала свой собственный мир, действующий по своим иррациональным законам, – и входим в него мы на свой страх и риск. Мисс Хайсмит – поэт тревожного предчувствия.

Грэм Грин

Я без ума от Патриции Хайсмит. Каждая ее книга – подлинное откровение.

Гиллиан Флинн

Любите вы детективы или нет, но «Глубокие воды» – обязательное чтение.

Sunday Times

Патриция Хайсмит наверняка стала бы отрекаться от родства с Ивлином Во и Джонатаном Свифтом – но ее творчество принадлежит к той же традиции.

News day

Когда уляжется пыль и кто-нибудь напишет подлинную хронику американской прозы XX века, Патриция Хайсмит окажется на вершине пирамиды – как мы бы, выстраивая иерархию русской классической литературы, поставили на первое место Достоевского.

Daily Telegraph

Патриция Хайсмит – самый убийственный экзистенциалист в детективной прозе. Ваше подсознание улыбается, а по коже бегут мурашки.

Boston Globe

Никто не сравнится с Патрицией Хайсмит в умении передать то подспудное ощущение угрозы, что таится под тонкой оболочкой знакомой повседневности.

Time

Убийство у Хайсмит происходит как бы между делом – кто-то въехал кому-то в зад на перекрестке, кто-то мучается животом после несвежей отбивной, а вот кого-то убили. Никакого пафоса, никакого лишнего драматизма; читатель поневоле влезает в шкуру ее психопатов – и смотрит на мир совершенно другими глазами.

New York Review of Books

Ее книги сродни наркотику: опасно притягательны, вызывают эйфорию и стойкое привыкание. Место Хайсмит на одной полке с такими сумрачными гениями, как Достоевский и Анджела Картер.

TimeOut

Книгу Хайсмит закрываешь с ощущением, что мир – куда более опасное место, чем можно было бы вообразить.

New York Times Book Review

В буквальном смысле завораживает... не рекомендуется людям с хрупкой психикой.

Washington Post Book World

Да, ее романы публиковались как триллеры – но они гораздо больше, чем триллеры: по психологической глубине, стилистической фактуре, сюжетной увлекательности Хайсмит нет равных.

Sunday Times

Назвать Патрицию Хайсмит мастером детектива – все равно что окрестить Пикассо небесталанным рисовальщиком.

Cleveland Plain Dealer

1

Вик не танцевал, но не по тем причинам, которыми большинство нетанцующих мужчин объясняют себе, почему они этого не делают. Не танцевал он просто потому, что это занятие любила его жена. Его собственное объяснение было неубедительным, и сам он нисколько в него не верил, хоть оно и приходило ему на ум всякий раз, когда он смотрел, как танцует Мелинда: вид у нее в такие минуты был невыносимо глупый. От этого танцевать самому становилось стыдно.

Мелинда, кружась, впархивала в его поле зрения и снова исчезала, хотя он был не вполне уверен, что видит именно ее. Однако же, досконально зная ее облик, он понимал, что перед ним все-таки она. Вик спокойно поднял стакан шотландского виски с водой и чуть отпил.

Он расслабленно сидел на изогнутой банкетке, рядом с нижней стойкой лестничных перил у Меллеров, с безразличным выражением лица устремив взгляд на мельтешение танцоров, и представлял, как вернется домой и зайдет в гараж, взглянуть, дала ли всходы наперстянка. В ящиках с рассадой было несколько видов трав. Чтобы они не шли в рост, Вик лишал их половины положенных им солнечного света и воды, что к тому же усиливало их ароматические свойства. В час дня, приходя домой обедать, он ставил ящики на солнце, а в три, перед возвращением в типографию, уносил обратно в гараж.

Тридцатишестилетний Виктор ван Аллен был чуть ниже среднего роста и не то чтобы толст, а скорее склонен к общей солидной округлости. Густые, резко очерченные каштановые брови выделялись над невинными голубыми глазами. Прямые темно-русые волосы, такие же густые и жесткие, как брови, были коротко подстрижены. Рот у него был не большой и не маленький, решительный; правый уголок губ был обычно опущен, не то с какой-то однобокой непреклонностью, не то с насмешкой – понять это можно было и так и этак. Именно рот не позволял однозначно истолковать выражение лица Вика – некоторые усматривали в нем горечь, – а голубые глаза, большие, умные, ничему не удивлявшиеся, никогда не выдавали ни его мыслей, ни его чувств.

Звуча прибавилось примерно на децибел, заиграла ритмичная латиноамериканская музыка, и танцующие перестали себя сдерживать. Грохот коробил слух, но Вик продолжал сидеть, хотя, если бы пожелал, мог прогуляться по коридору до кабинета хозяина и полистать там книги. Он уже достаточно выпил, и в ушах слегка шумело – мерно, даже немного приятно. Наверное, на приемах, да и на любых вечеринках, где подается спиртное, следует пить пропорционально нарастающему шуму. Перекрывать его своим внутренним гвалтом. Чтоб в голове тихонько гомонили веселые голоса. Насколько тогда легче было бы жить! Никогда не быть ни вполне трезвым, ни вполне пьяным. *Dum non sobrius, tamen non ebrius*. Прекрасная вышла бы эпитафия, но, к сожалению, не про него. Простая и скучная правда заключалась в том, что он почти все время предпочитал быть начеку.

Невольно он остановил взгляд на конга-цепочке, в которую выстраивались танцующие. И невольно нашел среди них Мелинду – задорной улыбкой она словно бы бросала вызов: «А ну-ка, поймай меня!» – а над ее плечом, едва не утыкаясь ей в волосы, нависал Джоэл Нэш. Вик вздохнул и отпил виски. Для человека, который прошлой ночью танцевал до трех, а позапрошлой – до пяти, мистер Нэш выглядел очень неплохо.

Вик вздрогнул, ощутив прикосновение к левой руке. К нему склонилась старая миссис Поднански. Он почти забыл, что она здесь.

– Вик, я так вам благодарна. Вы правда не против сами ее забрать?

Этот вопрос она уже задавала ему минут пять или десять назад.

– Ну конечно, – с улыбкой сказал Вик, поднимаясь вместе с ней. – Заеду завтра, без четверти час.

Тут через руку мистера Нэша к нему обернулась Мелинда и почти в лицо миссис Поднански, хотя и глядя на Вика, сказала:

– Эй, старина! Почему не танцуешь?

От Вика не ускользнуло, как миссис Поднански поморщилась, но тут же улыбнулась и отошла в сторону.

Удаляясь в танце с Мелиндой, мистер Нэш одарил Вика счастливой, слегка хмельной улыбкой. «Как бы назвать такую улыбку? – думал Вик. – Наверное, дружеская». Ну да. Джоэл Нэш хотел, чтобы она такой получилась. Вик медленно отвел взгляд от Джоэла, продолжая размышлять о его лице. Больше всего Вика раздражали не манеры этого человека – притворство, некоторое смущение, бестолковость, – а именно лицо. Мальчишеская гладкость щек и лба, миловидно вьющиеся светло-каштановые волосы, правильные черты – в меру правильные, как сказали бы женщины, которым он нравился. Большинство женщин назвали бы его красивым, предположил Вик. Он помнил, как прошлой ночью мистер Нэш поднимал на него взгляд с дивана, в шестой или восьмой раз передавая ему пустой стакан, будто стыдясь того, что соглашается выпить еще и остаться на очередные четверть часа, однако же с его лица не сходила какая-то бесстыдная наглость. У прежних любовников Мелинды было хотя бы больше мозгов или меньше нахальства, думал Вик. Но не век же будет Джоэл Нэш соседствовать с ними. Он работал коммивояжером в «Фернесс-Кляйн», компании по производству химикатов, находившейся в Уэсли (штат Массачусетс), и, по его словам, приехал сюда на несколько недель, чтобы ознакомиться с новой продукцией фирмы. Вик подозревал, что обоснуйся Нэш в Уэсли или в Литтл-Уэсли, то занял бы место Ральфа Госдена, даже если бы быстро прискучил Мелинде или оказался бы неудачником в других отношениях, ведь она никогда не могла устоять перед смазливой внешностью и наверняка считала Джоэла красивее Ральфа.

Вик поднял взгляд и увидел рядом Хораса Меллера.

– Привет, Хорас. Ищешь, где бы сесть?

– Нет-нет, спасибо.

На губах Хораса, худошавого седеющего мужчины среднего роста с узким нервным лицом и кустистыми черными усами, застыла вежливая улыбка беспокойного хозяина. Беспокоился Хорас и сегодня, хоть вечер удался на зависть.

– Ну что, Вик, как дела на работе?

– Готовим Ксенофонта, – ответил Вик. Неутихающий шум мешал разговаривать. – Заезжай как-нибудь вечером.

Вик имел в виду типографию. Он всегда оставался там до семи, хотя Стивен и Карлайл уходили домой в пять.

– Хорошо, заеду, – сказал Хорас. – Налить тебе еще?

Вик жестом показал, что не надо.

– Увидимся, – кивнул Хорас и удалился.

Как только он ушел, Вика охватило чувство пустоты – и неловкости. Что-то осталось недосказанным, и Вик знал, что именно: Хорас тактично ни словом не обмолвился о мистере Джоэле Нэше. Не сказал, например, что Джоэл славный малый или что ему тут рады, не задал никаких дежурных вопросов. Мелинда исхитрилась, чтобы Джоэла пригласили на вечеринку. Позавчера Вик слышал, как Мелинда говорила по телефону с Мэри Меллер: «...Ну, не совсем гостит у нас, но мы о нем заботимся, он ведь мало кого в городе знает... Ах, спасибо, Мэри! Я так и думала, что ты не против, чтобы пришел еще один мужчина, да такой красивый...» Да, Мелинду от него клещами не оторвать. Остается неделя, думал Вик. Ровно семь ночей. Мистер Нэш уезжал первого, в воскресенье.

И тут перед ним возник, пошатываясь, Джоэл Нэш, в белом пиджаке с широкими плечами и со стаканом в руке.

– Добрый вечер, мистер ван Аллен, – с напускной серьезностью сказал Джоэл и уселся на место, освобожденное миссис Поднански. – Как вы сегодня?

– Да как обычно, – улыбнулся Вик.

– Я вам хотел кое-что сказать, – с неожиданным воодушевлением произнес Джоэл, как будто только что вспомнил. – Во-первых, меня попросили – моя компания – остаться здесь еще на пару недель, так что, надеюсь, я смогу отплатить вам обоим за щедрое гостеприимство, которое вы мне оказали. – Джоэл по-мальчишески, пригнув голову, засмеялся.

У Мелинды просто дар находить людей, подобных Джоэлу Нэшу, подумал Вик. Вот уж воистину брачный союз двух умов³.

– А во-вторых?

– Во-вторых... Во-вторых, я хочу сказать, какой вы молодчина: я вижу с вашей женой, а вы так деликатны. Не то чтобы я так уж много с ней виделся, сами знаете, – пару раз пообедали да за город съездили, но...

– Но что? – Вик вдруг почувствовал, что трезв как стеклышко, а захмелевший Нэш ему отвратителен.

– Другой бы и за меньшее дал мне по морде – подозревая, конечно, большее. Я прекрасно понимаю: вы могли бы чуточку рассердиться, но вы не сердитесь. Я же вижу. Пожалуй, я должен поблагодарить вас за то, что не расквасили мне нос. Его, конечно, и не за что расквашивать. Если у вас есть сомнения, спросите Мелинду.

Ну да, кого же еще. Вик спокойно и равнодушно смотрел на него в упор. Правильно будет ничего не отвечать, решил он.

– Как бы то ни было, по-моему, вы ведете себя как настоящий джентльмен, – добавил Нэш.

Нарочитые настойчивые усилия Джоэла Нэша корчить из себя англичанина действовали Вику на нервы.

– Я ценю ваши чувства, – сказал Вик, чуть улыбаясь, – но я не трачу время на то, чтобы расквашивать людям носы. Если мне кто-то сильно не нравится, я его убиваю.

– Убиваете? – радостно улыбнулся мистер Нэш.

– Ну да. Вы ведь помните Малькольма Макрея?

Вик знал, что Нэш слышал о Макрее: Мелинда говорила, что рассказала Джоэлу про «загадку Макрея», чем очень его заинтриговала, потому что он пару раз встречался с Макреем по делам в Нью-Йорке.

– Помню, – напряженно ответил Джоэл Нэш.

Улыбка на его лице стала не такой широкой. Теперь она лишь служила защитой. Мелинда, конечно же, поведала Джоэлу, что Мал за ней ухаживал. Это всегда добавляло истории остроты.

– Вы шутите, – сказал Джоэл.

В этот миг по его словам и лицу Вик окончательно удостоверился в двух обстоятельствах: Джоэл Нэш успел переспать с его женой, а каменное спокойствие Вика в обществе Мелинды и Джоэла произвело впечатление. Вик напугал его – не только сейчас, но и несколько раз на домашних вечеринках. Вик никогда не проявлял ни малейших признаков ревности. Людей, которые ведут себя не так, как принято, обычно боятся.

– Нет, не шучу, – вздохнул Вик, достал сигарету и предложил пачку Джоэлу.

Нэш помотал головой.

– Он, скажем так, слишком настойчиво ухаживал за Мелиндой. Может, она вам говорила. Меня раздражало не столько это, сколько его характер. Макрей был заносчив, вечно напивался

³ Парафраз строки 116-го сонета У. Шекспира: «Нет, я не стану камнем преткновенья // Для брачного союза двух умов...» (перев. Д. Щедровицкого).

в гостях, так что приходилось оставлять его на ночь. К тому же он был жутким скупердяем. – Вик вставил сигарету в мундштук и стиснул его зубами.

– Я вам не верю.

– Да верите вы. Но это не важно.

– Значит, это вы убили Малькольма Макрея?

– А кто же, по-вашему? – Вик подождал, но ответа не последовало. – Мелинда говорила, что вы были с ним знакомы. У вас есть какие-нибудь предположения? Хотелось бы услышать. Предположения – это интересно. Иногда интереснее, чем факты.

– Нет у меня никаких предположений, – сказал Джоэл, как будто защищаясь.

По тому, как мистер Нэш сидел на банкетке, стало ясно, что он напуган и замыкается в себе. Вик откинулся назад, шевельнул косматыми каштановыми бровями и выпустил перед собой дым.

Повисло молчание.

Вик знал, что мистер Нэш прокручивает в голове, что бы такое сказать. Он даже приблизительно догадывался, что тот скажет.

– Он все-таки был вашим другом, – начал Джоэл Нэш именно так, как и ожидал Вик, – и ваша шуточка по поводу его смерти вовсе не смешна.

– Он не был моим другом.

– Ну, другом вашей жены.

– Это же совсем другое, согласитесь.

Мистер Нэш через силу кивнул. Потом выдавил кривую улыбку:

– И все же это дурная шутка. – Он встал.

– Простите. Может, в следующий раз придумаю получше. Да, постойте!

Нэш обернулся.

– Мелинда ничего об этом не знает, – заявил Вик, все так же невозмутимо опираясь спиной о балясину. – Мне бы не хотелось, чтобы вы ей рассказали.

Джоэл улыбнулся и, вяло махнув рукой, ушел. Вик проводил его взглядом до другого конца гостиной, где Хорас беседовал с Филом Коуэном, но Джоэл даже не попытался к ним присоединиться. Он стоял в одиночестве и курил. А наутро мистер Нэш проснется, все еще веря, что это была шутка, подумал Вик, но поразмыслит, а потом попробует навести справки о том, как Виктор ван Аллен относился к Малькольму Макрею. И разные люди – Хорас Меллер, например, и даже Мелинда – скажут ему, что Вик и Мал никогда особенно не ладили. Коуэны, Хорас или Мэри Меллер, если на них поднажать, признаются, что замечали: между Малом и Мелиндой что-то было – не более чем легкий флирт, конечно, но...

Малькольм Макрей, рекламный агент, занимал не ахти какую должность, но строил из себя важную персону и держался покровительственно. Он принадлежал к типу людей, которых женщины называют неотразимыми, а мужчины, как правило, терпеть не могут. Высокий, худой, элегантный, с длинным, узким лицом, на котором ничего особо не выделялось, кроме большой бородавки на правой щеке, как у Авраама Линкольна, хотя предполагалось, что глаза его тоже неотразимы, припомнил Вик. Макрея по неизвестной причине убили в его квартире на Манхэттене, а полиция до сих пор не нашла преступника. Вот почему слова Вика произвели на Джоэла такое впечатление.

Вик совсем расслабился, откинувшись на балясину, и вытянул ноги, с каким-то странным упоением вызывая в памяти сцену: поле для гольфа, Мал стоит позади Мелинды, обнимая ее за талию, и показывает, как она могла бы ударить по мячу лучше, чем он. Потом Вик вспомнил, как однажды ночью, часа в три, Мелинда со стаканом молока лукаво удалилась в спальню и попросила Мала зайти к ней поговорить. Вик упрямо остался в гостиной, притворяясь, что читает, полный решимости не двигаться с места до тех пор, пока Мал не выйдет из ее комнаты. Мал и Мелинда разительно отличались друг от друга по степени умственного

развития, и Мал умер бы со скуки, проводи он с ней полдня наедине. Но ее тело было так соблазнительно. Она умела завлекать, как-нибудь так: «Ах, Вик? Ну да, я люблю его, правда люблю, но по-другому. И так уже не один год. И ему я нравлюсь тоже не в том смысле, так что...» – и выжидательно смотрит снизу вверх своими зелено-карими глазами. Мал вышел из комнаты Мелинды минут через двадцать. Вик был уверен, что между ними никогда ничего не было. Однако же он помнил, что испытал некоторое удовлетворение, когда в декабре прошлого года узнал, что Мала убили. Или это был январь? И первой мыслью было: наверное, какой-нибудь ревнивый муж отомстил.

Вдруг он представил себе, что той ночью, когда он ушел с другой стороны гаража, Мал вернулся к Мелинде, и он, Вик, знает об этом и тогда тщательно планирует убийство, под каким-то предлогом едет в Нью-Йорк, пряча оконный грузик в кармане пальто (в газетах писали, что убийца был приятелем или знакомым убитого, так как Мал, по-видимому, спокойно впустил его), и забивает Мала до смерти. Делает он это ловко, беззвучно, не оставляя отпечатков пальцев – как не оставил их настоящий убийца, – и тем же вечером возвращается на машине в Литтл-Уэсли; его алиби (на случай, если кто-нибудь спросит): когда убивали Мала, он смотрел кино на Центральном вокзале – он назвал бы фильм, который действительно видел, но не тогда.

– Виктор-р, – наклонилась к нему Мэри Меллер. – О чем задумался?

Вик улыбнулся и медленно встал.

– Да так, ни о чем. Ты сегодня прямо как персик.

Он имел в виду цвет ее платья.

– Спасибо. Давай переместимся, сядем где-нибудь в уголке и о чем-нибудь посудачим, – предложила Мэри. – Хочу, чтобы ты пересел. Ты тут весь вечер сидишь.

– На скамью у рояля? – спросил Вик – это, похоже, было единственное место, куда могли сесть рядом двое.

В танцах наступил перерыв. Вик позволил Мэри взять его за запястье и отвести к роялю. Он понимал, что вряд ли Мэри так уж хочется поговорить с ним, что она старается быть хорошей хозяйкой и успеть поболтать со всеми, а к нему она не подходила до последнего, потому что он всегда был довольно тяжелым гостем. Вику было все равно. «Я не гордый», – гордо подумал он. Он часто говорил эти слова Мелинде, чтобы ее позлить.

– О чем это вы так долго беседовали с миссис Поднански? – спросила Мэри, когда они сели.

– О газонокосилках. Ей нужно заточить ножи косилки, а в «Кларкс», по ее словам, плохо справляются с работой.

– И ты, конечно же, предложил ей свои услуги. Не знаю, что бы вдовы нашей округи без тебя делали, Виктор ван Аллен! И как только ты находишь время на все свои добрые дела!

– Времени хватает, – сказал Вик с невольной удовлетворенной улыбкой. – Время я нахожу на все. Восхитительное ощущение.

– В том числе и на то, чтобы прочесть все книги, которые мы-то постоянно откладываем на потом! – Она рассмеялась. – Ах, Вик, ты просто невозможен! – Она обвела взглядом веселящихся гостей и снова посмотрела на Вика. – Надеюсь, твой друг мистер Нэш сегодня приятно проводит время. Он здесь проездом или намерен обосноваться в Литтл-Уэсли?

Вик видел, что мистер Нэш уже не очень приятно проводит время. Он так и стоял в одиночестве, потупившись, изучая узор на скатанном ковре.

– Нет, он здесь всего на несколько дней, – небрежным тоном сказал Вик. – У него какая-то командировка.

– Значит, ты его не очень хорошо знаешь.

– Нет. Мы совсем недавно с ним познакомились.

Вик у Вик досадно было говорить «мы». Это Мелинда познакомилась с ним в баре гостиницы «Лорд Честерфилд», куда ходила почти каждый вечер, примерно в полшестого, более или менее специально для того, чтобы повстречать кого-нибудь вроде Джоэла Нэша.

– Вик, дорогой, по-моему, ты чересчур терпелив.

Он посмотрел на нее, отметил напряженный взгляд влажных глаз и понял, что выпитое ударило ей в голову.

– Ну, не знаю.

– А я знаю. Можно вот так терпеть, все ждать чего-то, а потом, в один прекрасный день, ты что-нибудь сделаешь. Может быть, не взорвешься, но просто выскажешь все, что накопело.

Финал у нее вышел такой смиренный, что Вик улыбнулся, медленно почесывая большим пальцем ребро ладони.

– И еще – ой, я выпила три бокала, так что мне простительно, – ты такой замечательный. Вик, ты добрый, – произнесла Мэри тоном, означавшим, что он добрый в библейском смысле, тоном, по которому было понятно, что ей слегка неловко за то, что она употребила такое слово, да еще и в таком смысле, и Вик знал, что она вот-вот рассмеется над собой и перечеркнет все сказанное. – Если бы я не была замужем, а ты бы не был женат, я бы, наверное, прямо сейчас сделала тебе предложение!

И тут она засмеялась, чтобы свести все на нет.

«Почему женщинам – даже тем, что вышли замуж по любви, обзавелись детьми и вполне счастливы в браке, – кажется, что им больше подошел бы мужчина, который ничего от них не требует в постели?» – думал Вик. Это какая-то сентиментальная попытка вернуть себе целомудрие, глупая, тщетная, ничем не обоснованная фантазия. Да они же первые оскорбятся, если мужа будут пренебрегать ими в этом отношении.

– К сожалению, я женат, – сказал Вик.

– К сожалению! – фыркнула Мэри. – Ты ее обожаешь, я же знаю! Боготворишь землю, по которой она ходит. И она тебя тоже любит, Вик, помни это!

– Я не хочу, чтобы ты думала, – почти перебил ее Вик, – что я такой добрый, как ты говоришь. Есть во мне и немного зла. Просто эту сторону своей природы я скрываю.

– Это уж точно! – Смеясь, Мэри наклонилась к нему; повеяло ее духами – смесью ароматов сирени и корицы. – Вик, тебе налить еще?

– Пока не надо, спасибо.

– Вот видишь? Даже пьешь, как положено доброму человеку! Ой, кто тебя укусил?

– Клоп.

– Клоп?! Господи, где ты умудрился его подцепить?

– В гостинице «Зеленая гора».

Мэри удивленно приоткрыла рот, потом расхохоталась.

– Что ты там делал?

– Несколько недель назад я попросил их наловить для меня клопов, если вдруг подвернутся. В конце концов набрал шесть штук. Это обошлось мне в пять долларов чаевых. Сейчас клопы живут у меня в гараже, в стеклянной коробочке, спят там на кусочке матраса. Время от времени я подставляюсь под укусы, чтобы они прошли свой нормальный жизненный цикл. Было уже две кладки яиц.

– Но зачем? – хихикая, спросила Мэри.

– Один ученый написал статью для энтомологического журнала, но допустил ошибку касательно одного момента в их репродуктивном цикле, – улыбнулся Вик.

– Какого момента? – полюбопытствовала она.

– Инкубационного периода. Вряд ли это представляет для кого-то особый интерес, хотя производителям средств от насекомых следовало бы...

– Ви-ик? Ты не возражаешь? – заплетающимся языком проворковала Мелинда.

Вик поднял на нее притворно-изумленный взгляд, встал со скамьи и с деланой вежливостью указал на рояль:

– Инструмент в вашем распоряжении.

– Хочешь сыграть? Вот хорошо! – обрадовалась Мэри.

Вокруг рояля образовался мужской квинтет. Мелинда скользнула на скамью. Сияющая пелена волос скрыла лицо Мелинды от всех, кто, как и Вик, стоял справа. Ну и ладно, подумал он, кто знает это лицо лучше его? Да и вообще, ему не хотелось его видеть, потому что от выпивки оно не становилось краше. Он неторопливо отошел в сторону. Диван теперь был свободен. Вик с отвращением услышал, как Мелинда, безудержно рассыпаясь трелями, забрехала вступление к «Убийству на десятой авеню»⁴ – звучало это ужасно. Играла она вульгарно, отчаянно фальшивила, и, казалось бы, ее исполнение должно было вызвать у публики чувство неловкости, но ей внимали, и в глазах слушателей она не становилась ни лучше, ни хуже. Исполнительские способности Мелинды ничего не убавляли и не прибавляли к ее положению в обществе. Когда она сбивалась и бросала какую-нибудь песню на полпути, смеясь и по-детски досадливо всплескивая руками, ее воздыхатели продолжали по ней воздыхать. Впрочем, если она собьется на «Убийстве», то всегда сможет выкрутиться, перескочив на тему «Трех слепых мышек». Вик присел на уголок дивана. Все, кроме миссис Поднански, Эвелин Коуэн и Хораса, столпились вокруг рояля. Сокрушительный штурм Мелиндой главной темы исторгал из уст ее слушателей одобрительное похрюкивание. Вик смотрел на спину Джоэла Нэша, согнувшегося над роялем, потом закрыл глаза. Он как будто и уши заткнул и стал думать о своих клопах.

Наконец раздалась аплодисменты. Они быстро стихли, как только Мелинда начала «Танцуя в темноте»⁵ – один из ее лучших номеров. Вик открыл глаза и увидел, что Джоэл Нэш уставился на него отсутствующим, но пристальным взглядом, в котором читался испуг. Вик снова закрыл глаза и запрокинул голову, как будто очарованный музыкой. На самом деле он размышлял, что сейчас происходит в затуманенном алкоголем мозгу Джоэла Нэша. Вик видел, как бы со стороны, как сам он, пухленький, сидит на диване, мирно сложив руки на животе, со спокойной улыбкой на круглом лице, которая, возможно, уже стала для Нэша загадочной. Наверное, Нэш думает: «А может, и правда убил? Может, поэтому он так беспечно смотрит на нас с Мелиндой. Может, поэтому он такой странный. Он же убийца!»

Мелинда играла с полчаса, до тех пор, пока ей не пришлось повторить «Танцуя в темноте». Она поднялась из-за рояля, но ее упрашивали сыграть еще, и громче всех – Мэри Меллер и Джоэл.

– Нам пора домой. Поздно, – отвечала Мелинда. Она часто уходила сразу после музицирования. На триумфальной ноте. – Вик? – Она поманила его пальцем.

Вик послушно встал с дивана, заметив, что его кивком подзывает Хорас. Наверное, уже в курсе, предположил Вик и подошел к нему.

– Что это такое ты сказал своему другу мистеру Нэшу? – спросил Хорас.

Его темные глаза весело поблескивали.

– Моему другу?

Узкие плечи Хораса дрогнули от сдерживаемого смеха.

– Я тебя несколько не виню. Надеюсь только, он не разнесет слух.

– Я пошутил. Он что, не понял? – спросил Вик с серьезным видом.

Они с Хорасом хорошо знали друг друга. Хорас часто советовал ему «быть потверже с Мелиндой» и был единственным из знакомых Вика, кто осмеливался сказать ему такое.

– Похоже, он принял это всерьез, – вздохнул Хорас.

⁴ Джазовый балет из бродвейского мюзикла «На цыпочках» («On Your Toes», муз. Ричарда Роджерса, либретто Лоренца Харта, 1936).

⁵ Популярная песня (муз. Артура Шварца, сл. Говарда Дитца, 1931), ставшая джазовым стандартом в исполнении оркестра Арти Шоу.

– Что ж, пусть разносит.

Хорас засмеялся и похлопал Вика по плечу:

– Только в тюрьму не попади, старина!

Когда они шли к машине, Мелинда пошатывалась, и Вик легонько поддерживал ее за локоть. Она была почти такого же роста, как он, и всегда носила босоножки без каблуков или балетки, но не столько из-за него, считал Вик, сколько потому, что в них было удобнее, и потому, что в обуви на плоской подошве она лучше подходила по росту среднему мужчине. Хоть ступала она и нетвердо, Вик чувствовал в ее высоком, крепком теле силу амазонки, животную энергию, увлекавшую его за собой. Она направлялась к машине неудержимо, будто лошадь, скачущая на конюшню.

– Что ты сказал Джоэлу? – спросила Мелинда, когда они сели в машину.

– Ничего.

– Нет, ты ему что-то сказал.

– Когда?

– Слушай, я видела, как ты с ним разговаривал, – сонно продолжала она. – О чем вы беседовали?

– Кажется, о клопах. Или это я с Мэри о клопах говорил?

– Мм! – нетерпеливо промычала Мелинда и бесстрастно, словно на диванную подушку, положила голову ему на плечо. – Ты все-таки что-то брякнул – он как-то по-другому держится после разговора с тобой.

– А что он сказал?

– Дело не в том, что он сказал, а в том, как он себя ве-е-ел, – протянула она и тут же заснула.

Она подняла голову, когда он заглушил мотор в гараже, вышла, как во сне, пробормотала: «Спокойной ночи, дорогой!» – и направилась в дом через дверь гаража, ведущую в гостиную.

В гараже могло бы разместиться пять машин, хотя у них было только две. Просторный гараж построили по заказу Вика; часть помещения служила мастерской, где в образцовом порядке хранились инструменты и стояли ящики с растениями, террариумы с улитками и все, что интересовало Вика и с чем бы ему взбрело в голову поэкспериментировать, но свободного места все равно оставалось достаточно. Еще одна дверь в гараже вела во флигель, где обычно спал Вик. Прежде чем пойти к себе, он склонился над ящиками с растениями. Наперстянки взошли – шесть или восемь бледно-зеленых ростков уже образовали характерные кустики из трех листьев. Два клопа ползали по кусочку матраса в поисках плоти и крови, но сегодня у Вика не было настроения давать им руку, и насекомые медленно волокли плоские тельца, пытаясь спрятаться от луча фонарика.

2

Через три дня после вечеринки у Меллеров Джоэл Нэш пришел к ван Алленам на коктейль, но поужинать не остался, несмотря на предложение Вика и уговоры Мелинды. Он сослался на какую-то встречу, но было очевидно, что это просто удобный предлог. Он с улыбкой объявил, что все-таки не останется тут еще на две недели и в следующую пятницу уезжает. Улыбался он в тот вечер больше обычного и, держась настороже, острил по любому поводу. Это показывало Вику, насколько серьезно мистер Нэш воспринял его слова.

Когда он ушел, Мелинда снова обвинила Вика в том, что он чем-то обидел Джоэла.

– Что такого я мог сказать? – с невинным видом отпирался Вик. – А тебе не приходило в голову, что это ты сказала ему что-нибудь обидное? Или сделала что-то, а может, не сделала?

– Это точно не я, – насупившись, сказала Мелинда.

Затем она сама приготовила себе коктейль, хотя обычно просила об этом Вика.

Она не очень расстроится, потеряв Джоэла Нэша, думал Вик, он ведь совсем новенький, да и в любом случае долго здесь не задержался бы – он же коммивояжер. Вот Ральф Госден – совсем другое дело. Интересно, Ральфа так же легко напугать, как Джоэла? Стоит попробовать, решил Вик. Ральф Госден, двадцатидевятилетний художник-портретист средних способностей, жил на средства старенькой тетушки, которая души в нем не чаяла. Он снял на год дом по Миллетвиллем, милях в двадцати от Уэсли, – пока истекло только полгода. Вот уже четыре месяца дважды в неделю Ральф ужинал у ван Алленов. Он всячески нахваливал их дом, еду, патефон – и вообще, если верить ему, не было в Литтл-Уэсли, да и нигде больше, людей гостеприимнее. Мелинда навещала Ральфа несколько раз в неделю, хоть и не признавалась, что бывала у него, а месяца через два предъявила свой портрет, написанный Ральфом, – видимо, для того, чтобы объяснить свое многократное отсутствие дома в час дня или в семь вечера, когда Вик возвращался домой. Портрет – кошмарная украшательская мазня – висел в спальне Мелинды. В гостиной Вик держать его запретил.

Вика тошнило от лицемерия Ральфа, который постоянно пытался завязать разговор о том, что, как ему представлялось, интересно Вику. У самого Ральфа интересы были исключительно женские, а за фасадом дружбы он пытался скрыть интрижку с Мелиндой. Всякий раз, глядя на Ральфа Госдена, Вик говорил себе, что, может, и не возражал бы, чтобы Мелинда завела роман с другим мужчиной, но она предпочитала бесхребетных идиотов и позволяла сплетням расползаться по всему городу, приглашая любовников на вечеринки в дома друзей и открыто появляясь с ними в баре «Лорда Честерфилда» – собственно, единственном баре в городе. Один из самых твердых принципов Вика заключался в том, что всем, а следовательно, и жене, позволено поступать как заблагорассудится, при условии, что это никому не повредит и что жена будет исполнять свои основные обязанности, то есть вести домашнее хозяйство и заботиться о своем чаде, и Мелинда их исполняла – от случая к случаю. Тысячи женатых мужчин безнаказанно крутят романы на стороне, хотя, как признавал Вик, обычно без лишнего шума. Хорас попытался дать ему совет, спросив, почему он «мирится с таким поведением Мелинды», но Вик ответил вопросом на вопрос: следует ли ему действовать как старорежимному мужу (или жене), с презрением отвергая супругу за ее нечистоту, требуя развода, пуская под откос жизнь ребенка, – и все лишь ради того, чтобы таким пошлым образом ублажить свое самолюбие? Вик дал понять Хорасу, как и любому, кто заикнулся бы о Мелинде, что считает ее поведение временным помешательством и что чем меньше по этому поводу суетиться, тем лучше.

Мелинда вела себя так уже больше трех лет, и Вик своим терпением и выдержкой заработал себе в Литтл-Уэсли репутацию чуть ли не святого, что весьма льстило его самолюбию. Он знал, что Хорас, Фил Коуэн и каждый, кому были известны эти обстоятельства, то есть почти

все, считали его чудачком (как можно сносить такое?), но Вика это несколько не смущало. Он даже гордился тем, что прослыл странным в стране, где большинство стремится к тому, чтобы быть как все.

Мелинда тоже была чудачкой, иначе он бы на ней не женился. Ухаживать за ней и уговаривать ее выйти за него замуж было все равно что объезжать дикую кобылицу, только подход тут требовался бесконечно более тонкий. Она была своевольной, избалованной, из тех, кого время от времени исключают из школы за откровенное непослушание. Мелинду выгнали из пяти школ, и к двадцати двум годам, когда Вик с ней познакомился, она пришла к выводу, что жизнь – сплошная погоня за удовольствиями. Она и до сих пор так считала; правда, в двадцать два в ее бунтарстве был вызов традициям и предрассудкам, было воображение, и это привлекало Вика, потому что он сам был таким же мятежником. Сейчас ему стало ясно, что от тогдашнего полета воображения у нее ничего не осталось, а с традициями и предрассудками она боролась, разбивая дорогие вазы. В доме осталась всего одна – металлическая, с выщербленной перегородчатой эмалью. Сначала Мелинда не хотела детей, потом захотела, потом расхотела, наконец через четыре года снова захотела – и произвела на свет дочь. Врач сказал Вику, что роды оказались не такими трудными, как это обычно бывает при рождении первого ребенка, но Мелинда громогласно заявляла о своих страданиях до и после родов, несмотря на то что Вик обеспечил ей лучший уход и много недель, забросив работу, отдавал жене все свое время. Он был безмерно рад, что у них появился ребенок, хотя Мелинда почти не занималась девочкой и заботилась о ней не больше, чем о каком-нибудь приبلудном щенке, которого нужно было накормить. Вик решил, что ее бунтарской натуре претит и воспитание ребенка, и исполнение положенных супружеских обязанностей. Ребенок подразумевал определенную ответственность, а Мелинда упорно не хотела взрослеть. Ее недовольство вылилось в заявление, что она больше не любит его, как прежде, – как она выразилась, «в романтическом смысле». Вик проявлял большое терпение, но, по правде говоря, она тоже начинала ему наскучивать. Ее несколько не трогало то, что интересовало его, а он, пусть в чем-то поверхностно, интересовался многим: печатным и переплетным делом, пчеловодством, сыроварением, плотницким ремеслом, музыкой и живописью (хорошей музыкой и хорошей живописью), астрономией – для созерцания звезд у него был прекрасный телескоп – и садоводством.

Когда Беатрис было года два, у Мелинды начался роман с Ларри Осборном, молодым и глуповатым инструктором из школы верховой езды недалеко от Литтл-Уэсли. До этого несколько месяцев она была мрачна и растеряна, но, когда Вик пробовал поговорить с ней о том, что ее гнетет, она лишь отмалчивалась. После того как появился Ларри, она оживилась, повеселела, стала ласковее с Виком – особенно когда увидела, как спокойно он к этому отнесся. На самом деле Вик был не так спокоен, как казалось, хоть и спросил, не хочет ли она развестись. Мелинда не захотела.

Вик потратил пятьдесят долларов и два часа на то, чтобы обсудить все с психиатром в Нью-Йорке. Заключение психиатра было таково: поскольку Мелинда сама ни в грош не ставит консультации у психиатров, она будет приносить Вику только несчастье, и рано или поздно это закончится разводом – если он не будет с ней строг. Принципы не позволяли Вику, взрослому человеку, быть строгим к другому взрослому. Притом что Мелинду нельзя было назвать взрослой, он все же хотел и дальше обращаться с ней как со зрелой женщиной. Психиатр навел его лишь на одну новую мысль: он дал ей ребенка и теперь Мелинде, как и многим родившим женщинам, он как мужчина и муж больше не нужен. Довольно забавно было приписывать Мелинде врожденный материнский инстинкт, и Вик всякий раз с улыбкой вспоминал теорию доктора. Теория самого Вика была такова: Мелинда отвергла его из духа противоречия – зная, что он продолжает любить ее, она решила не доставлять ему удовольствия и не проявлять ответной любви. Наверное, любовь – не то слово. Они были привязаны друг к другу, зависели друг от друга, думал Вик, и если один уходил из дома, то другой скучал. Невозможно подыскать слово,

которое бы точно передавало его чувство к Мелинде – смесь отвращения и привязанности. Все, что психиатр наговорил о «неприемлемом положении вещей» и о грядущем разводе, лишь подвигло Вика на то, чтобы доказать несостоятельность этих заявлений. Он вознамерился продемонстрировать и психиатру, и всему миру, что с такой ситуацией вполне можно справиться и развода не будет. И несчастным он не будет. Ведь в жизни так много интересного.

Роман Мелинды с Ларри Осборном длился пять месяцев. Спустя два месяца после начала их интрижки Вик перебрался из спальни во флигель, который специально спроектировал для себя с другой стороны гаража. Вик ушел туда в знак протеста против глупости их романа (собственно, и в Ларри его бесила только глупость), но через несколько недель, перенеся во флигель свой микроскоп и книги, обнаружил, что там ему лучше, чем в спальне: можно вставать посреди ночи, не боясь побеспокоить Мелинду, и смотреть на звезды или наблюдать за улитками, которые ночью были активнее, чем в дневное время. Когда Мелинда бросила Ларри – или, скорее всего, Ларри бросил ее, – Вик не стал возвращаться в спальню, так как Мелинда не выказала желания принять его обратно, да и сам он этого уже не хотел. Его устроило такое решение, и Мелинду, видимо, тоже. После разрыва с Ларри ее покинуло приподнятое настроение, но через несколько месяцев она нашла себе нового любовника – Джо-Джо Харриса, зобатого молодого человека, открывшего в Уэсли музыкальный магазин, который, впрочем, просуществовал недолго. Роман с Джо-Джо продлился с октября до января. Мелинда накопила пластинок на несколько сотен долларов, но Харриса это не спасло.

Вик знал, что некоторые считают, будто Мелинда живет с ним из-за денег. Возможно, в какой-то мере так оно и было, но Вика это не задевало. Он равнодушно относился к деньгам. Своим доходом он был обязан не себе, а деду. Вику, так же как и его отцу, просто повезло родиться в богатой семье, так почему же Мелинде, его жене, не иметь на них такие же права? С тех пор как Вику исполнился двадцать один, он получал 40 000 долларов в год. Ходили слухи, что жители Литгл-Уэсли терпят Мелинду только потому, что расположены к Вику, но он отказывался этому верить. Он ведь видел, что Мелинда весьма приятна в общении, если, конечно, не требовать от нее содержательных бесед. Она щедра, умеет поддержать компанию, в гостях с ней весело. Понятно, никто не одобрял ее любовных связей на стороне, но в старом сонном Литгл-Уэсли, породившем промышленный центр Уэсли в четырех милях отсюда, как ни удивительно, ханжество было не в почете, поскольку местным жителям хотелось избежать клейма новоанглийского пуританства, так что Мелинду никто не одергивал и не обвинял в безнравственности.

3

Ральф Госден пришел к ним поужинать в субботу, через неделю после вечеринки у Меллеров, как всегда, веселый и уверенный в себе, даже веселее, чем обычно, потому что после десятидневного пребывания у нью-йоркской тетушки гостеприимство ван Алленов представлялось ему не таким унылым, как перед отъездом. После ужина Ральф решил обсудить с Виком противорадиационные бомбоубежища на случай термоядерной войны, виденные на выставке в Нью-Йорке, но, поскольку сам в этом ничего не понимал, дискуссия сошла на нет, а Мелинда достала кипу пластинок и стала их крутить. У Ральфа было прекрасное настроение. «Наверняка проторчит у нас до четырех утра, – подумал Вик, – но, может быть, в последний раз». Ральф обычно засиживался в гостях дольше всех, потому что имел возможность отсыпаться, но и Вик старался ему не уступать и не ложился до четырех, пяти, а иногда и до семи утра, поскольку Ральф предпочел бы, чтобы он ушел почивать и оставил его наедине с Мелиндой. При желании Вик тоже мог спать допоздна и был куда выносливее Ральфа, потому что и так ложился в два или три часа ночи и не напивался так, чтобы его сморило.

Вик сидел в гостиной, в своем любимом кресле, просматривая «Нью-Уэслиан» и время от времени бросая поверх газеты взгляд на Ральфа и Мелинду. Они танцевали. На Ральфе был белый дакроновый костюм, купленный в Нью-Йорке, и он, как девчонка, радовался тому, что выглядит элегантнее и стройнее. В начале каждого танца он обхватывал талию Мелинды с каким-то новым напором, с отчаянной самоуверенностью, наводившей Вика на мысль о самце насекомого, который беспечно веселится, не подозревая, что его ждет внезапная страшная смерть. Глупая песенка, поставленная Мелиндой, очень подходила к обстоятельствам: «Плюшевые мишки»⁶, одно из ее последних приобретений. Всякий раз, когда Вик принимал душ, дурацкие слова почему-то крутились в голове, сводя его с ума:

В глуши лесной медведи шалят,
Играют в прятки сколько хотят!
Сегодня пикник ведь у плюшевых мишек!

– Ха-ха-ха! – засмеялся мистер Госден, потянувшись к столику за бокалом.

«Вот он, дом на просторе, – подумал Вик, – где умного слова никто не слышал...»⁷

– Куда подевался мой Кугат?⁸ – воскликнула Мелинда, стоя на коленях перед шкафом с пластинками и заглядывая то на одну, то на другую полку. – Нигде не вижу.

– Там его и не должно быть, – сказал Вик, когда она вытащила пластинку из его части шкафа.

Она осоловело посмотрела на нее, скривилась и вернула обратно. На нижней полке хранились пластинки Вика: Бах, Сеговия, григорианские песнопения и мотеты, речи Черчилля. Он просил Мелинду к ним не прикасаться, потому что в ее руках пластинки были особенно недолговечны. Да они и не нравились ей. Как-то раз, когда она одевалась, чтобы куда-то пойти

⁶ «Пикник плюшевых мишек» («Teddy Bears' Picnic») – популярная детская песенка на музыку американского композитора Джона Уолтера Браттона и слова ирландского поэта Джимми Кеннеди, написанная в 1932 г.

⁷ Парафраз строки «Где грубого слова никто не слышал» («Where seldom is heard a discouraging word») из песни «Дом на просторе» («Note on the Range»), которая считается неофициальным гимном американского Запада; стихотворение Брюса М. Хайли, написанное в 1872 г., положено на музыку его другом, плотником Дэниелом Келли, а самая популярная версия песни записана Бингом Кросби в 1933 г.

⁸ *Шавьер Кугат* (1900–1990) – испано-американский руководитель джазового оркестра, аранжировщик, певец, актер, режиссер и сценарист. Один из ключевых популяризаторов латиноамериканской музыки в Америке.

с Ральфом, Вик поставил григорианские песнопения, хотя и знал, что они не в ее вкусе, а она заявила, что под эту музыку только помирать.

Ральф ушел на кухню, чтобы налить себе еще, и Мелинда сказала:

– Дорогой, ты всю ночь собираешься читать газету?

Ей хотелось, чтобы он пошел спать. Вик улыбнулся.

– Учу наизусть сегодняшнее стихотворение на первой полосе. «Чиновники служат обществу, им зазнаваться грех, а смиренных работников по праву ждет успех. В который раз спрошу себя...»

– Ну хватит! – не выдержала Мелинда.

– Между прочим, это вирши твоего друга, Реджинальда Данлэпа. Помнится, ты говорила, что он неплохой поэт.

– У меня сейчас не поэтическое настроение.

– У Реджи его тоже не было, когда он это сочинял.

В ответ на выпад в адрес ее друга или просто взбрыкнув ни с того ни с сего, Мелинда так неожиданно прибавила громкость, что Вик вздрогнул. Он тут же демонстративно расслабился и не спеша перевернул страницу газеты, как будто никакой музыки и не было. Ральф попытался убавить звук, но Мелинда вцепилась ему в запястье, затем подняла его руку и поцеловала. Они пошли танцевать. Ральф поддался настроению Мелинды и, продолжая выделывать ногами кренделя, стал водить бедрами; его ослиный смех тонул в хаотическом грохоте музыки. Вик не смотрел на Ральфа, но чувствовал, что тот время от времени бросает на него взгляд, в котором удовольствие смешивалось с вызовом – и вызов медленно, но верно, с каждым выпитым бокалом стирает правила приличия, хоть как-то соблюдавшиеся в начале вечера. Мелинда намеренно и целенаправленно подзадоривала всех своих партнеров – дразни старого медведя, бей его, пинай, – и сама показывала им пример, ведь Вик не даст сдачи, его не стонишь с кресла, он вообще никак не отреагирует, так почему бы над ним не поиздеваться?

Вик прошел через комнату, лениво взял с полки «Семь столпов мудрости» Лоуренса и вернулся с книгой к любимому креслу. Тут в дверях появилась Трикси в пижаме.

– Мам! – крикнула девочка, но мама ее не слышала и не видела.

Вик встал и подошел к дочери.

– Что случилось, Трикс? – спросил он.

– Музыка так орет, не заснуть! – возмущенно выкрикнула она.

Мелинда что-то воскликнула, потом подошла к патефону и убавила звук.

– Ну, что такое? – справилась она у Трикси.

– Не могу заснуть, – пожаловалась дочь.

– Скажи ей, что это ничем не обоснованная жалоба, – посоветовал Вик Мелинде.

– А, ну ладно, сделай потише, – снизошла Мелинда.

Трикси припухшими от сна глазами сердито смотрела на мать, потом перевела взгляд на Ральфа. Вик похлопал ее по узким твердым бедрам и сказал:

– Давай-ка обратно в постельку, чтоб к завтрашнему пикнику хорошенько выспаться!

Услышав соблазнительное слово «пикник», Трикси улыбнулась, посмотрела на Ральфа и спросила:

– Ральф, а вы привезли мне из Нью-Йорка швейный набор?

– Прости, Трикси, не привез, – сладеньким голосом ответил Ральф. – Но наверняка найду такой же и здесь, в Литтл-Уэсли.

– Обойдется, – вмешалась Мелинда. – Он ей нужен не больше, чем...

– Чем тебе, – закончил за нее Вик.

– Какой вы грубый сегодня, мистер ван Аллен, – ледяным голосом произнесла Мелинда.

– Извини.

Вик хотел кое-что рассказать Ральфу, поэтому он нарочно вел себя грубо и делал вид, что чаша его терпения переполнена.

– Ральф, вы останетесь завтракать? – Трикси оперлась на руку Вика и раскачивалась из стороны в сторону.

Ральф натужно хохотнул.

– Надеюсь, останется, – сказал Вик. – Мы не любим, когда гости уходят голодными, правда, Трикс?

– Да-а. С Ральфом весело завтракать.

– Это почему же? – спросил Вик.

– Он яйцами жаглирует.

– Жонглирую, – пояснил Ральф.

– Что ж, надо посмотреть, – сказал Вик. – Трикси, марш спать. Лови момент, пока тихо. Ты же знаешь, *carpe diem*... И *carpe noctem*⁹ тоже.

Трикси с готовностью пошла с ним. Ей нравилось, когда он укладывал ее, приносил ей плюшевого кенгуру, кутал их обоих в одеяло, целовал на ночь в обе щеки и в носик. Вик знал, что балует Трикси, но, с другой стороны, мать держалась с ней так холодно, что это надо было чем-то восполнить. Он уткнулся носом в ее мягкую шейку, потом, улыбаясь, поднял голову.

– Пап, а можно устроить пикник у каменоломни?

– Нет. Там очень опасно.

– Но почему?

– А вдруг сильный ветер? Нас всех прямо туда и сдует.

– Здорово! А мама пойдет на пикник?

– Не знаю, – сказал Вик. – Надеюсь.

– А Ральф пойдет?

– Вряд ли.

– Тебе нравится Ральф?

При свете ночника-карусели на тумбочке видны были карие крапинки в зеленых, как у матери, глазах Трикси.

– Угу. А тебе?

– Мм, – неуверенно протянула она. – Джо-Джо мне нравился больше.

Его слегка задело, что она еще помнит Джо-Джо.

– Ну, я знаю почему. Он приносил тебе подарки на Рождество. Любить нужно не за это. Я ведь тоже дарю тебе подарки, правда?

– Папочка, тебя я люблю больше всех. Конечно, я тебя больше всех люблю.

Вот плутовка, подумал Вик. Трикси стала ужасной плутовкой. Вик с улыбкой представил, как она обрадовалась бы, если бы он сказал ей, что убил Малькольма Макрея. Мал не нравился Трикси, потому что она не нравилась ему, а еще потому, что он, редкостный скупердяй, никогда не делал ей подарков. Трикси запрыгала бы от радости, если бы Вик сказал, что убил Мала. Его акции взлетели бы на двести процентов.

– Будь умницей, спи, – сказал Вик, поднимаясь с кровати.

Он поцеловал ее в обе щеки, в кончик носа, потом в макушку. Волосы у Трикси были такого же цвета, как у матери, но со временем они, наверное, потемнеют и станут как у него. Они спускались прямо с темени, без всяких проборов, и выглядели, как и должны выглядеть волосы шестилетней девочки, но Мелинда вечно жаловалась, что их трудно завивать.

– Спишь? – прошептал он.

Опущенные ресницы Трикси не дрогнули. Он выключил свет и на цыпочках подошел к двери.

⁹ *Carpe diem* — наслаждайся сегодняшним днем (букв. лови день), *carpe noctem* — наслаждайся ночью (лат.).

– Нет! – хихикая, крикнула Трикси.

– Давай-ка спи! Я серьезно!

Молчание. Молчание его устраивало. Он вышел и закрыл дверь.

Мелинда погасила еще одну лампу, и в гостиной стало гораздо темнее. Они с Ральфом танцевали, медленно переминаясь в углу комнаты. Было почти четыре часа.

– Выпить хотите, Ральф? – спросил Вик.

– Что? А, нет, спасибо. Мне уже хватит.

Это вовсе не означало, что мистер Госден собрался уходить – не в четыре же утра. Мелинда в танце обняла Ральфа за шею. Наверное, она думала, что Вик страшно нагрубил Джоэлу Нэшу, поэтому изо всех сил любезничала с Ральфом. Она будет подбивать его остаться до утра и, конечно же, позавтракать с ними, даже если бы Ральф побледнел от усталости, как с ним иногда бывало. «Прошу тебя, милый, останься. Мне сегодня совсем не хочется спать». И он обязательно останется. Они все оставались. Даже те, кому наутро нужно было на работу, а мистеру Госдену не нужно. И разумеется, чем дольше они не уходили, тем больше надежды было, что Вик удалится к себе и оставит их наедине. Часто Вик покидал Мелинду и Ральфа в шесть утра, считая, что раз уж они провели вместе полдня, почему бы не дать им побыть друг с другом еще два с половиной часа, до половины девятого, когда он придет завтракать? Может быть, это было мелко – выматывать ухажеров Мелинды до полного изнеможения, просиживая с ними всю ночь в гостиной, но он не собирался угождать им, уходя из собственного дома. Вдобавок он всегда читал какие-нибудь книги, так что времени зря не тратил.

Сегодня Вика обуревала сильная, прямо-таки первобытная злоба на мистера Госдена. Такого чувства он прежде не испытывал. Он думал о десятках бутылок бурбона, которым поил мистера Госдена. Он думал о вечерах, испорченных мистером Госденом. Вик поднялся, поставил книгу на полку и тихо направился к двери в гараж. За его спиной Мелинда и Ральф уже почти целовались. Тому, что он ушел, ничего не сказав, можно было дать одно из следующих объяснений: а) он не хочет их смущать, когда они милуются; б) возможно, он через минуту вернется; в) он так раздосадован их поведением, что не захотел попрощаться с ними. Правильным было объяснение «б»), но оно могло прийти в голову только Мелинде – мистер Госден никогда не видел, чтобы Вик ушел и вернулся. Такое он проделывал несколько раз с Джо-Джо.

Вик включил флуоресцентное освещение в гараже и неспешно прошелся, оглядывая аккуратные поддоны с растениями, террариумы, полные земляных улиток, что ползали по влажным джунглям ростков овса и пальчатника, открытый чемоданчик для электродрели на рабочем столе, и непроизвольно отмечая, все ли инструменты тут и на своих ли местах лежат.

Комната во флигеле была почти такой же аскетичной и функциональной, как гараж: простая кровать-полуторка с темно-зеленым покрывалом, стул с прямой спинкой, кожаное рабочее кресло, огромный письменный стол, на котором стояли словари и книги по плотницкому делу, пузырьки с чернилами, ручки и карандаши, гроссбухи, оплаченные и неоплаченные счета – все это было разложено в строгом порядке. На стенах не было ни картин, ни фотографий, только над столом висел простенький календарь, подаренный местной лесозаготовительной компанией. Вик обладал способностью спать ровно столько, сколько захочет, и просыпался без чьей-либо помощи. Он посмотрел на наручные часы, приказал себе пробудиться через полчаса, без семнадцати пять, потом улегся и начал последовательно, с головы до пальцев ног, расслабляться.

Приблизительно через минуту он уснул. Ему приснилось, что он в церкви и видит там Меллеров. Хорас Меллер улыбнулся и поздравил его с тем, что он, защищая свою семью, убил Малькольма Макрея. В церкви собрались все жители Литтл-Уэсли, и каждый улыбался Вику. Он проснулся с улыбкой, усмехаясь нелепости сна. В церковь он никогда не ходил. Насвистывая, он причесался, поправил рубашку под светло-голубым кашемировым свитером и прошагал через гараж обратно.

Ральф и Мелинда примостились в уголке дивана. Судя по тому, что оба они выпрямились, когда он вошел, они, видимо, только что лежали – или полулежали. У Ральфа были воспаленные глаза. Он смерил Вика с ног до головы пьяным взглядом, полным удивления и негодования.

Вик подошел к книжному шкафу и склонился, проглядывая названия.

– Все читаешь? – спросила Мелинда.

– Угу, – ответил Вик. – А где же музыка?

– Я как раз собирался уходить, – хрипло сказал Ральф, вставая.

Вид у него был изнуренный; тем не менее он зажег сигарету и с остервенением швырнул спичку в сторону камина.

– Не уходи.

Мелинда потянулась к его руке, но Ральф, пошатываясь, отступил на шаг и сказал:

– Уже очень поздно.

– Почти пора завтракать, – бодро заметил Вик. – Кто-нибудь хочет яичницу?

Ответа не последовало. Он выбрал карманный «Всемирный альманах» – эту книгу он всегда листал с удовольствием – и прошел к своему креслу.

– А тебе что, спать не хочется? – сказала Мелинда, глядя на него с таким же раздражением, как и Ральф.

– Нет. – Вик бодро поморгал. – Я только что вздремнул у себя.

Услышав эти слова, Ральф заметно поник и остолбенело уставился на Вика, как будто уже почти готов был признать себя побежденным, хотя ввалившиеся глаза все еще полыхали на бледном лице. Он тараторил на Вика так, будто собирался его убить. Такой же взгляд Вик видел на лице Джо-Джо и даже на тощей невыразительной физиономии Ларри Осборна – взгляд, наведенный бесовским благодушием Вика, тем, что в пять часов утра он трезв и бодр, а они без сил обмякли на диване, несмотря на все отчаянные попытки встряхнуться. Ральф поднял полный бокал и залпом выпил половину. Теперь он из принципа не уйдет до самого конца, подумал Вик: уже почти шесть утра, какой смысл идти домой спать, если завтрашний день все равно пропал? Наверное, напьется до потери сознания, но уйти – не уйдет. Похоже, он чересчур захмелел, предположил Вик, и не соображает, что при желании мог бы провести с Мелиндой весь завтрашний день.

Под взглядом Вика Ральф вдруг пошатнулся, как будто его толкнуло что-то невидимое, и тяжело уселся на диван. На лице блестела испарина. Мелинда обняла Ральфа за шею, притянула к себе и, смочив пальцы о запотевшее стекло бокала, стала охлаждать ему виски. Ральф неуклюже обмяк на диване, мрачно сжав губы, и из последних сил буравил Вика затуманенным взглядом.

Вик улыбнулся Мелинде:

– Все-таки я сделаю яичницу. Ему не помешает принять что-нибудь внутрь.

– Да нормально все с ним! – с вызовом сказала Мелинда.

Насвистывая григорианский мотив, Вик прошел на кухню и поставил кофе. Он приподнял початую бутылку бурбона, убедился, что Ральф опустошил ее на четыре пятых, и вернулся в гостиную.

– Ральф, я знаю, вы любите жонглировать яйцами, но все же – вам глазунью или болтунью?

– Милый, тебе глазунью или болтунью? – спросила Мелинда.

– Лучше просто... Пожонглировать, – пробормотал Ральф.

– Первый заказ принят, пожонглировать яйцами, – сказал Вик. – Ну а тебе, кошечка?

– Не зови меня так!

Он давно не употреблял этого ласкового прозвища. Она зыркнула на него из-под рельефных светлых бровей, и Вика пришлось признать, что от кошечки не осталось и следа – ни

от той, на которой он женился, ни от той, которой Мелинда была прошедшим вечером. На ее губах размазалась помада, кончик длинного вздернутого носа блестел и покраснел, будто помада попала и на него.

– А тебе какую яичницу? – спросил он.

– Никакой не хочу.

Вик взболтал четыре яйца со сливками для себя и Мелинды – Ральф был не в состоянии что-нибудь есть – и поджарил себе ломтик хлеба, зная, что Мелинда гренек не захочет. Он не стал дожидаться, пока сварится кофе, потому что и от кофе она откажется. А сам он выпьет кофе попозже, с мистером Госденом. Слегка подсоленную и поперченную яичницу он принес на двух теплых тарелках. От еды Мелинда отказалась наотрез, тогда он сел рядом с ней на диван и стал кормить с вилки, маленькими порциями. При приближении очередного кусочка Мелинда послушно открывала рот. В глазах ее застыло настороженное выражение дикого зверька, доверяющего человеку лишь настолько, чтобы принять пищу из протянутой руки, да и то с опаской, несмотря на медленные и спокойные движения. Светло-рыжая голова мистера Госдена лежала у нее на коленях. Из его приоткрытого рта вырывался некрасивый храп. На последнем кусочке Мелинда, как и предвидел Вик, заупрямилась.

– Ну, давай. Вот это доедим, и все, – уговаривал он.

Она послушалась.

– Наверное, мистеру Госдену лучше остаться у нас, – сказал Вик, потому что больше о мистере Госдене сказать было нечего.

– Я и с-собиралась оставить его у нас, – проговорила Мелинда.

– Ну что ж, давай его уложим.

Мелинда встала, чтобы поудобнее уложить Ральфа на диван, но в ее состоянии приподнять его за плечи ей было не по силам. Вик подхватил его под руки и подтянул так, что голова Ральфа оказалась рядом с диванным подлокотником.

– Туфли? – спросил Вик.

– Не тр-рожь его туфли! – Мелинда, пошатываясь, склонилась над ступнями Ральфа и начала развязывать шнурки.

У Ральфа тряслись плечи и тихонько стучали зубы.

– Ему холодно. Я схожу за одеялом, – сказал Вик.

– Я сама.

Выписывая кренделя, Мелинда направилась в спальню, но по дороге забыла зачем и свернула в ванную.

Вик снял оставшуюся туфлю и пошел в спальню Мелинды за клетчатым пледом – он всегда там валялся. Сейчас он лежал на полу у незастланной кровати. Плед Вик подарил Мелинде на день рождения лет семь назад. Увидев его, он вспомнил пикники, счастливое лето, проведенное в штате Мэн, зимний вечер, когда не работало отопление, и они, накрывшись пледом, улеглись на пол у камина. Вик задумался, не взять ли вместо пледа зеленое шерстяное одеяло с кровати, но в конце концов решил, что сойдет и плед. В комнате Мелинды, как всегда, был беспорядок, одновременно и неприглядный, и привлекательный, и Вику захотелось постоять тут с минуту, оглядеть все – он почти никогда не заходил к Мелинде, – но он не позволил себе даже обвести спальню взглядом, а вышел и закрыл за собой дверь. В ванной журчала вода. «Хоть бы ее не стошнило», – подумал Вик.

Ральф сидел, глядя куда-то в пространство, и дрожал в ознобе.

– Горячего кофе хотите? – спросил у него Вик.

Ральф не ответил. Вик накинул плед на его трясущиеся плечи, и Ральф обессиленно лег обратно на диван и попытался подтянуть ноги. Вик поднял ему ступни и подоткнул под них одеяло.

– Вы добрый человек, – пробормотал Ральф.

Вик чуть улыбнулся и присел на край дивана. Ему показалось, что Мелинду тошнит в ванной.

– Вам давно следовало меня вышвырнуть, – прошептал Ральф. – Когда меры не знаешь... – Он шевельнул ногами, будто собираясь встать с дивана.

Вик небрежно придержал ему лодыжки и успокаивающим тоном сказал:

– Ничего страшного.

– Ох, надо бы проблеваться... или сдохнуть.

Голубые глаза Ральфа наполнились слезами, остекленели. Тонкие брови дрожали. Он словно бы впал в какой-то транс самобичевания и с удовольствием воспринял бы пинки и тычки взашей, если бы его и впрямь вытолкали из дома.

Вик кашлянул и улыбнулся:

– Я не выгоняю из дома тех, кто мне докучает. – Он чуть склонился к Ральфу. – Тех, кто меня раздражает, вот так – с Мелиндой... – он многозначительно кивнул в сторону ванной, – я просто убиваю.

– Да, – серьезно произнес Ральф, как будто понял. – Так и надо. Поэтому я хочу, чтобы вы с Мелиндой остались моими друзьями. Вы мне оба нравитесь. Правда.

– А я убиваю тех, кто мне не нравится, – сказал Вик еще тише, с улыбкой наклоняясь ближе к Ральфу.

Тот бессмысленно улыбнулся.

– Как, например, Малькольма Макрея. Я его убил.

– Малькольма? – озадаченно спросил Ральф.

Вик знал, что ему все известно про Мала.

– Да. Мелинда ведь рассказывала вам про Макрея. Я убил его молотком в его квартире. Прошлой зимой об этом писали в газетах. Он слишком много себе позволял по отношению к Мелинде.

Ральф, очевидно не вполне понимая, что ему говорят, медленно свел брови:

– Помню... Это вы его убили?

– Да. Он ухлестывал за Мелиндой. У всех на глазах.

Вик подбросил зажигалку Мелинды, поймал ее, снова подбросил и так раза четыре. До Ральфа постепенно доходило. Он приподнялся на локте.

– А Мелинда знает, что вы его убили?

– Нет. Об этом никто не знает, – прошептал Вик. – Не говорите Мелинде, ладно?

Ральф недоуменно наморщил лоб. Видимо, мозги с трудом справляются, подумал Вик, но угрозу и враждебность мистер Госден почувствовал. Он стиснул зубы и резко выдернул ступни из-под руки Вика. Собрался уходить.

Вик молча отдал ему туфли.

– Вас отвезти домой?

– Я сам.

Ральф, пошатываясь, пытался обуться, но ничего не получалось до тех пор, пока он не сел. Затем он встал и неуверенными шагами побрел к двери.

Вик последовал за ним и вручил ему соломенную шляпу с пунцовой лентой.

– Сп-койной ночи. Было очень хорошо, – нечленораздельно пробормотал Ральф.

– Я рад. Не забудьте: не проговоритесь Мелинде о том, что я вам рассказал. Спокойной ночи.

Ральф забрался в кабриолет с открытым верхом и с ревом тронулся с места – машина вильнула задом, ее занесло на обочину, потом автомобиль выровнялся и помчался дальше. Вику было все равно: свалится Ральф в Медвежье озеро – и поделом ему. Лес впереди озарило оранжевое сияние восходящего солнца.

Из ванной не доносилось никаких звуков. Вероятно, Мелинда сидела на полу в ожидании очередного рвотного спазма. Она всегда так делала, когда ее мутило, и поднять ее с пола было невозможно, пока она не убеждалась, что тошнота отступила. В конце концов Вик встал с кресла, подошел к двери ванной и крикнул:

– Как ты, дорогая?

Она довольно внятно пролепетала, что все в порядке. Он пошел на кухню и налил себе чашку кофе. Он любил кофе. Кофе почти никогда не мешал ему заснуть.

Из ванной вышла Мелинда в халате. Выглядела она лучше, чем полчаса назад.

– Где Ральф?

– Он решил поехать домой. Просил пожелать тебе спокойной ночи и сказал, что ему было очень хорошо.

– Вот как, – разочарованно протянула она.

– Я укрыл его одеялом, и ему полегчало, – добавил Вик.

Мелинда подошла к нему и положила руки на плечи:

– Ты был так добр к нему сегодня.

– Вот и славно. А чуть раньше ты назвала меня грубым.

– Ты никогда не бываешь грубым. – Она поцеловала его в щеку. – Спокойной ночи, Вик.

Он смотрел, как Мелинда идет к себе в комнату. Интересно, что Ральф скажет ей завтра. Проболается, конечно. Он из таких. Через несколько минут Мелинда наверняка позвонит ему – она всегда ему звонила, – если не заснет. Но по телефону Ральф вряд ли ей что-то расскажет.

4

История с удивительной быстротой разлетелась по городу и возбудила всеобщее любопытство – особенно у тех, кто плохо знал Вика, – но никто и пальцем не шевельнул, чтобы сообщить в полицию. Те, кто был близко знаком с Виком и Мелиндой, понимали, почему он рассказал эту историю, и находили ее забавной. Она позабавила даже старого мистера Хансена, их бакалейщика. Но люди, не знакомые с ван Алленами, и те, кто знал их лишь понаслышке, наверняка строили изумленные мины, считая, что к Вику обязательно должна присмотреться полиция – не важно, правду он сказал или нет. Вик читал это во взглядах прохожих на главной улице города.

Спустя четыре дня после того, как он рассказал свою историю Ральфу, люди, которых Вик никогда раньше не видел или, по крайней мере, не замечал, таращились во все глаза, когда он проезжал мимо на своем старом, ухоженном «олдсмобиле» – машина и без того слыла курьезом в городке, где у большинства автомобилей были куда новее, – и, перешептываясь со спутниками, показывали на него. Незнакомцы смотрели на него без улыбки, а вот лица друзей оставались улыбчивыми.

Ральфа Госдена он за эти четыре дня ни разу не видел. В воскресенье, после утреннего отъезда, как рассказала Мелинда, Ральф позвонил ей и настоял на встрече. Она ушла из дома, чтобы где-то с ним увидеться. Вик и Трикси провели день вдвоем, устроив пикник на берегу Медвежьего озера. Там Вик договорился с лодочником об аренде каноэ для Трикси на все лето. Когда они вернулись, Мелинда уже была дома, и началось настоящее светопреставление. Конечно же, Ральф ей проболтался.

– Что за глупость, пошлость, идиотизм! – орала Мелинда. – Это же надо было такое придумать!

Вик спокойно воспринял ее ругань. Он понимал, что она больше рассердилась из-за того, что Ральф оказался трусом. Вик хорошо представлял себе их разговор. Ральф: «Дорогая, я знаю, что это неправда, но ведь очевидно, что он не хочет больше видеть меня у вас, вот я и подумал...» Мелинда: «Мало ли чего он хочет! А ты просто струсил, испугался его...» Кроме того, из-за этого разговора она наверняка догадалась, что Вик сказал Джоэлу Нэшу то же самое.

– Ральф поверил, что я убил Макрея? – спросил Вик.

– Конечно нет. Он просто считает, что ты осел. Или что ты совсем спятил.

– Но он не находит это смешным. – Вик сокрушенно покачал головой. – Очень жаль.

– Что тут смешного?

Мелинда стояла посреди гостиной, уперев руки в бока и широко расставив ноги в туфлях-мокасинах.

– Ну, наверное, если б ты слышала, как я это сказал, то было бы смешно.

– А, понятно. А Джоэлу было смешно?

– Видимо, нет. Он так испугался, что удрал из города.

– Тебе ведь этого и хотелось, правда?

– Честно говоря, да.

– И с Ральфом то же самое. Тебе ведь хотелось его напугать?

– Оба они ужасные зануды и, по-моему, пальца твоего не стоят. Ральф тоже испугался?

– Нет, он не испугался. Не говори глупостей. По-твоему, в это кто-то поверит?

Вик заложил руки за голову и откинулся в кресле.

– Ну, Джоэл Нэш поверил. И быстренько исчез. Не очень умно с его стороны, но я никогда и не считал его умным.

– Да-да. Один ты умный.

Вик добродушно улыбнулся.

– Что тебе сказал Джоэл? – спросил он и по тому, как она изменила позу, как бросилась на диван, понял, что Джоэл Нэш ничего ей не сказал. – А что говорит Ральф?

– Что ты ужасный бука и что он считает...

– Ужасный бука. Надо же. А мне, Мелинда, было ужасно скучно, мне ужасно надоело кормить и поить каких-то зануд по несколько раз в неделю и сидеть с ними ночи напролет, ужасно надоело слушать бессмысленную болтовню и ужасно утомило, что они думают, будто я ничего не понимаю или смотрю сквозь пальцы на то, как они за тобой ухлестывают. Все это ужасно тоскливо.

Мелинда долго с удивлением смотрела на него, укоризненно скривив губы, потом вдруг закрыла лицо ладонями и дала волю слезам.

Вик подошел к ней и положил руку ей на плечо:

– Милая, стоит ли об этом плакать? Стоят ли Джоэл Нэш и Ральф твоих слез?

Она вскинула голову:

– Я не по ним плачу. Я плачу от несправедливости.

– Sic¹⁰, – невольно пробормотал Вик.

– У кого бзик?

Он вздохнул, честно пытаясь найти для нее какие-нибудь слова утешения. Бесплезно говорить: «Но я-то с тобой, я же тебя люблю». Он ей сейчас не нужен, может быть, никогда больше не будет нужен. А ему не хотелось быть собакой на сене. Он не возражал бы против того, чтобы она взяла в любовники мужчину солидного, с чувством собственного достоинства, мыслящего. Но к сожалению, Мелинда вряд ли когда-нибудь выберет такого, и такой человек вряд ли выберет ее. Вик мог представить себе союз, основанный на терпимости и непредубежденности, в котором все трое были бы счастливы и извлекали преимущества из общения друг с другом. Достоевский бы понял. Как, наверное, и Гёте.

– Знаешь, на днях я прочитал в газете, – непринужденно начал он, – об одном *menage a trois*¹¹ в Милане. Конечно, я не знаю, что это были за люди, но муж и любовник были добрыми друзьями и погибли, разбившись на мотоцикле. Жена похоронила их вместе, в усыпальнице, где когда-нибудь упокоится и сама, и на надгробной плите сделала надпись: «Они жили счастливо вместе». Как видишь, бывает и так. Только лучше бы ты выбрала мужчину – или, если хочешь, даже нескольких – все-таки с мозгами. Как ты думаешь, такое возможно?

– Да, – ответила она сквозь слезы, и он понял, что все его слова она пропустила мимо ушей.

Это было в воскресенье. Спустя четыре дня Мелинда все еще дулась, но Вик полагал, что, если правильно себя вести, за несколько дней все пройдет. В ней слишком кипела жизнь, и она слишком любила развлечения, чтобы долго хандрить. Он купил билеты на две оперетки в Нью-Йорке, хотя сам предпочел бы два других спектакля. Но на другие спектакли он всегда успеет. Теперь по большей части Мелинде было нечем занять себя, и к вечеру она не уставала. Вик съездил в Нью-Йорк за билетами, а заодно посетил газетный отдел Публичной библиотеки и еще раз почитал об убийстве Макрея, так как многие подробности стерлись из памяти. Выяснилось, что единственный человек, видевший убийцу, – лифтер многоквартирного дома, где жил Макрей, – предоставил очень туманное описание: невысокий тип, плотного сложения. Оно вполне подходило Вику, и он рассказал об этом Хорасу.

Хорас чуть улыбнулся. Он работал химиком в медицинской аналитической лаборатории и был осторожным человеком, привыкшим выражаться сдержанно. Он счел историю Вика фантастической и даже немного опасной, но выступал за любые меры, которые «осадили бы Мелинду».

¹⁰ Так, таким образом, именно так (*лат.*).

¹¹ Сожительство втроем (*фр.*).

– Чтобы осадить Мелинду, требуется лишь немного твердости с твоей стороны, Вик, – сказал Хорас. – Я же тебе уже говорил. Ей давно хочется, чтобы ты дал ей понять, что тебе небезразлично ее поведение. В общем, не сдавай занятых позиций. Я хочу, чтобы вы оба снова были счастливы.

Хорас был свидетелем их счастья на протяжении трех или четырех лет, но как давно это было – странно, что он вообще это помнит. Занятые позиции... Ну да, теперь Мелинда сидела дома и волей-неволей больше времени проводила с ним и с Трикси. Вот только счастья ей это не приносило. Вик несколько раз выводил ее на коктейли в бар «Лорд Честерфилд», полагая, что, поскольку даже бармен Сэм слышал про Макрея, Мелинда не захочет идти одна, ведь она была там частой гостьей в обществе Ральфа, Ларри и Джо-Джо. Вик попытался заинтересовать Мелинду набросками орнаментов для обложки «Домостроя» Ксенофонта, подготовленными Блэром Пибоди, кожевником из Коннектикута. Пибоди устроил свою мастерскую в каком-то амбаре, где и делал тиснение на кожаных переплетах всех книг, которые печатались в типографии Вика.

В этих орнаментах использовались архитектурные мотивы Древней Греции; один был замысловатым, а другой – строгим, и, по мнению Вика, оба были прекрасны. Он надеялся, что Мелинде будет интересно выбрать, какой из них стоит использовать, но ее внимания хватило секунд на пять, не больше. Из вежливости она сказала, что один из рисунков ей нравится больше, чем другой, а вдобавок, чтобы задеть Вика, произнесла это с нарочитой небрежностью. Вик расстроился и на какое-то время утратил дар речи. Иногда его удивляла способность Мелинды причинять ему боль. В тот вечер ее больше интересовал пианист, нанятый в «Лорд Честерфилд» на лето. В углу бара висела афиша с его фотографией. Он должен был приехать примерно через неделю. Мелинда сказала, что если он будет играть в стиле Дучина¹², как тот, что был в прошлом году, то она умрет.

Поездки в Нью-Йорк, на музыкальные комедии, увенчались большим успехом. Оба мюзикла шли по субботам, и в первый раз Трикси оставили у Петерсонов, родителей Джейни, лучшей подруги Трикси, а на время второй поездки миссис Петерсон привела Джейни к ван Алленам, чтобы девочки поиграли вместе первую половину вечера. Обычно часам к десяти Трикси засыпала, а миссис Петерсон оставалась в доме до полуночи. После театра Вик с Мелиндой пошли в фешенебельный ночной клуб, где можно было потанцевать под оркестр; правда, Вик не приглашал ее на танец, зная, что она откажется. Оба вечера она была в хорошем настроении, но Вик чувствовал, что она затаила обиду – ведь он отнял у нее Джоэла и Ральфа. Из второй поездки они вернулись домой в четыре утра. В приподнятом настроении Мелинду часто тянуло на взбалмошные поступки: побродить босиком по ручью, что бежал по лесу в нескольких ярдах от дома, или заехать к Коуэнам и поплескаться в их бассейне, но такое она предельвала только в обществе кого-нибудь вроде Ральфа или Джо-Джо. Когда они добрались до дома, она не стала предлагать Вика пойти к ручью. Вик понимал: это потому, что с ней он, скучный муж, а не один из жизнерадостных молодых людей. У него язык не поворачивался заговорить о прогулке к ручью, поскольку Вик не чувствовал в себе этой дурашливости, ему не хотелось разбить ноги о камни, которых не разглядеть в темноте, да и вряд ли Мелинда оценила бы такое предложение, если бы оно исходило от него.

Они, все еще полностью одетые, сидели на кровати Мелинды и просматривали воскресные газеты, купленные Виком в Манхэттене, – все, кроме «Таймс», которую приносили по утрам в воскресенье. Мелинда смеялась чему-то, прочитанному в «Ньюс». Пока они ехали домой, она почти все время спала, положив голову ему на плечо. Вика совсем не хотелось спать, он мог бы и не ложиться. Наверное, думал он, его бодрость объясняется необычным обстоя-

¹² Эдвин Фрэнк Дучин (1909–1951) – американский джазовый пианист и руководитель эстрадного оркестра в 1930-1940-х гг.

тельством: он сидит на кровати Мелинды, чего не случалось уже несколько лет, и, хотя ему было интересно читать об американских перебежчиках в Китай¹³, частью сознания он пытался разобраться в своих ощущениях, вызванных тем, что он сидел на ее кровати. Близость и гармония, равно как и их предвкушение, не входили в их число. Он чувствовал некоторое неудобство. И все-таки его подмывало спросить, не будет ли она против, если он сегодня останется в ее комнате. Просто будет спать рядом, обняв ее, или даже не дотрагиваясь до нее, – Мелинда знала, что он не будет ее донимать. Тут он вспомнил, как вечером, когда они ехали в Нью-Йорк, она сказала, что Коуэны к ним переменились, потому что своей историей про Макрея Вик продемонстрировал «дурной вкус», и Меллеры, дескать, тоже, как и Коуэны, держатся холоднее. Мелинда настаивала, что их теперь сторонятся, а Вик возражал, приводя примеры, доказывающие, что их никто не чурается, и напомнил, что Коуэны сейчас живут в покое, поскольку Фил корпит над книгой по экономике и хочет закончить ее до того, как в сентябре вернется к преподаванию. Не рискнуть ли все-таки попросить разрешения остаться у нее, снова подумал Вик, или же она сочтет просьбу очередным поводом продемонстрировать свою обиду и с негодованием откажет? Или даже если не откажет с негодованием, не удивит ли это ее так, что приятная атмосфера вечера будет испорчена? Да и так ли уж он хочет остаться? Пожалуй, нет.

Мелинда зевнула:

– О чем это ты так зачитался?

– О перебежчиках. Если американцы переходят к красным, их называют изменниками.

Если же красные переходят к нам, то они «борцы за свободу». Все зависит от того, на чьей ты стороне, – улыбнулся он.

Мелинда промолчала. Вик и не ожидал, что она что-нибудь скажет. Он медленно поднялся с кровати.

– Спокойной ночи, дорогая. Приятных снов. – Он наклонился и поцеловал ее в щеку. – Тебе понравилось, как мы провели вечер?

– Мм, ну да, – вяло произнесла Мелинда, будто отвечала бабушке, сводившему ее, маленькую девочку, в цирк. – Спокойной ночи, Вик. Ступай, только тихонько, не разбуди Трикси.

Выходя, он улыбнулся самому себе. Три недели назад она и не вспомнила бы о Трикси, а думала бы лишь о том, как позвонит Ральфу, как только Вик покинет спальню.

¹³ Имеются в виду американские военнопленные (21 человек), которые по окончании Корейской войны (1950–1953) отказались от репатриации в США и выразили желание остаться в Китайской Народной Республике.

5

Июнь выдался отличный – не очень жаркий, не очень сухой, два-три раза в неделю по вечерам, часов в шесть, начинался дождь, который через полчаса заканчивался, напивав соком и сладостью малину и землянику в лесу за домом. Несколько раз по субботам, во второй половине дня, Вик с Трикси и Джейни Петерсон ходили по ягоды и каждый раз набирали столько, что обоим семействам хватало на целую неделю – и для завтраков из хлопьев с молоком, и для пирогов, и для мороженого. Трикси решила не ехать этим летом в лагерь, потому что Джейни туда не поехала. Трикси и Джейни записали на летнюю программу Хайлендской начальной школы, в четырех милях от Литтл-Уэсли, – там пять дней в неделю, с девяти до четырех, проводили занятия спортом и декоративно-прикладными искусствами. Этим летом Трикси наконец научилась плавать по-настоящему, да так хорошо, что заняла первое место в соревнованиях в своей возрастной группе. Вик рад был, что она не поехала в летний лагерь – ее присутствие грело ему душу. По уму получалось, что Трикси проводила время с ним благодаря Петерсонам, точнее, их стесненным обстоятельствам. Чарльз Петерсон, инженер-электрик кожевенного завода в Уэсли, зарабатывал меньше, чем большинство жителей Литтл-Уэсли. Вернее, на свой заработок он содержал семью, в то время как у многих в Литтл-Уэсли – например, у него самого и у Филя Коуэна – были, кроме жалованья, и другие доходы. Вика огорчало, что Мелинда смотрит свысока на Петерсонов как на людей неотесанных и не понимает, что они не большие невежи, чем, скажем, Макферсоны, и что, наверное, ей просто не нравится их беленый дощатый дом. Вик был рад, что Трикси это не волнует.

В июньском выпуске авторитетного британского отраслевого ежегодника издательство «Гринспер Пресс», что в Литтл-Уэсли (штат Массачусетс), отметили за «шрифтовое оформление, тонкую работу и высокий уровень в целом», и эту похвалу Вик ценил больше, чем любой материальный успех. Он гордился тем, что в двадцати шести выпущенных им книгах было всего две опечатки. «Домострой» Ксенофонта был его двадцать седьмой книгой, и покамест ни он, ни его дотошный типограф Стивен Хайнс не нашли в ней ни одной ошибки, несмотря на дополнительную сложность: левая сторона страниц печаталась на древнегреческом. Надо как-нибудь написать статью о вероятности опечаток даже при тщательнейшей вычитке, думал Вик. Есть какая-то непобедимая дьявольщина в типографских ошибках, как будто они – часть природного зла, пронизывающего существование человека, как будто у них есть своя собственная жизнь и они твердо намерены непременно обнаружиться, невзирая ни на что, словно сорняки в ухоженном саду.

Не замечая никакого холодка со стороны друзей (хотя Мелинда настаивала, что чувствует его), Вик считал, что бывать в обществе им стало намного легче. Меллеры и Коуэны перестали осторожничать, приглашая их к себе, и больше не опасались, что Мелинда, как часто случалось прежде, в последнюю минуту откажется – из-за свидания с Ральфом или с кем-нибудь еще. Теперь все обращались с ними как с парой – вроде бы счастливой и живущей в мире и согласии. В последние годы, к вящему недовольству Вика, понимающие хозяйки опекали его, словно брошенного ребенка или какого-нибудь инвалида, то настойчиво предлагая добавку, то угощая тортами и пирожными. Может быть, его брак с Мелиндой и неидеален, но в мире найдется множество браков и похуже: кто-то пьянствует, кто-то прозябает в нищете, кто-то болеет или сошел с ума, кому-то досаждают теща, кому-то изменили, и измена не была прощена. С самых первых дней супружеской жизни Вик относился к Мелинде с уважением и глубокой приязнью, которая сейчас только усилилась, ведь он понимал, как ей не хватает Ральфа. Ему не хотелось, чтобы она скучала, чувствовала себя одиноко или думала, что ему все равно. Он еще два или

три раза свозил ее в нью-йоркские театры, на пару концертов в Тэнглвуд¹⁴, а как-то на выходных они поехали с Трикси в Кеннебанкпорт¹⁵, на спектакль с Джудит Андерсон¹⁶, и заночевали в гостинице. Почти каждый вечер Вик приносил Мелинде подарок – цветы, флакон духов, шарфик из «Банданы» – единственного в Уэсли модного магазина женской одежды, или просто журнал, который ей нравился (например, «Холидей»), но на который они не подписывались – Мелинда утверждала, что это дорого, а в доме и так валяется куча журналов, пришедших каждый месяц, хотя, по мнению Вика, «Холидей» был лучше, чем многое из того, на что они постоянно продлевали подписку. У Мелинды было своеобразное понятие о бережливости.

Она отказывалась нанять домработницу, но за порядком в доме почти не следила. Раз в четыре месяца Вик вытирал пыль с книжных полок. Изредка Мелинда бралась за пылесос, но ее хватало не больше чем на две комнаты. Когда ждали гостей, гостиная, кухня и ванная, как обтекаемо говорила Мелинда, «проверялись». Зато в морозилке всегда был запас стейков, а в холодильнике – зелени, картошки и апельсинов, и, что Вик особенно ценил, каждый вечер Мелинда ужинала с ним, чем бы ни занималась днем. Возможно, она считала это своим долгом – Вик не знал наверняка, – но, как бы то ни было, держалась своего намерения столь же твердо, как и тогда, когда шла на свидания с любовниками. Вдобавок примерно раз в неделю она готовила что-нибудь из его любимых блюд: лягушачьи лапки по-провансальски, чили кон карне¹⁷, картофельный суп или жареного фазана, за которым ездила в Уэсли. Она также заботилась о том, чтобы у него никогда не кончался трубочный табак – его заказывали в Нью-Йорке, и следить за его запасами было трудно, поскольку Вик курил редко, а хьюмидор кочевал из гостиной в гараж или во флигель, куда Мелинда почти не заходила. Вик считал, что его друзья, даже Хорас, забывают, что в Мелинде есть и хорошее, и он старался почаще напоминать им об этом.

В субботу той недели, когда праздновали День независимости, Вик и Мелинда пошли в клуб, на ежегодный бал – главное событие лета. Там были все их знакомые, даже Петерсоны и Уилсоны, которые не были членами клуба, но получили приглашение. Вик поискал взглядом Ральфа Госдена, но его не было. В последнее время Ральф часто виделся с Уилсонами – так говорила Эвелин Коуэн, которая помогала Джун Уилсон ухаживать за цветником. Эвелин увлеклась выращиванием цветов. Уилсоны переехали в Литтл-Уэсли всего четыре месяца назад и жили в скромном доме в северной части города. Однажды Вик встретил Эвелин Коуэн в аптеке, и она поведала ему, что Дон Уилсон очень серьезно отнесся к истории о Малькольме Макрее, рассказанной Виком. Ральф наверняка выставил себя жертвой ревности, неприязни и вообще «дурного вкуса» Вика и заверил, что с Мелиндой у них были чисто дружеские отношения. Вик предполагал, что поскольку Уилсоны не входили в близкое окружение ван Алленов, то, скорее всего, поверили рассказам Ральфа. В Литтл-Уэсли недолюбливали Уилсонов с самого их приезда. Вик считал, что виноват в этом Дон, который на людях держался сухо и чопорно – может быть, потому, что, с его точки зрения, улыбаться и веселиться писателю глупо или не к лицу. А строчил он всякое чтиво: ковбойские рассказы, детективы и любовные романы, причем некоторые – в соавторстве с женой, хотя от кого-то Вик слышал, что она сочиняла детские книжки. Своих детей у Уилсонов не было.

¹⁴ Тэнглвудский музыкально-концертный комплекс на территории поместья Тэнглвуд близ города Ленокс, штат Массачусетс, где с 1934 г. проводятся концерты и фестивали классической и джазовой музыки, с участием Бостонского симфонического оркестра и Нью-Йоркского филармонического оркестра.

¹⁵ Популярный курорт для состоятельной публики в округе Йорк штата Мэн, куда на летние гастроли приезжают ведущие театральные коллективы США.

¹⁶ *Джудит Андерсон* (1897–1992) – австралийская актриса, блиставшая в театральных постановках на Бродвее и в ряде голливудских фильмов, в том числе в «Ребекке» Альфреда Хичкока, за который получила номинацию на «Оскар» в категории «лучшая актриса второго плана»; обладательница премий «Эмми» и «Тони».

¹⁷ Блюдо мексикано-техасской кухни. Основными компонентами являются острый перец, говяжий фарш и фасоль, остальные ингредиенты добавляют в зависимости от региона и вкусовых предпочтений.

Дон Уилсон с женой стояли у стены: Дон, высокий и сухопарый, – с недовольным видом, а его миниатюрная супруга-блондинка, обычно живая и бойкая, выглядела подавленно. Наверное, потому, что они мало кого знают, предположил Вик. Он кивнул им и приветливо улыбнулся, собираясь подойти и перекинуться парой слов, но, не встретив во взгляде Дона Уилсона ни намека на ответную теплоту, передумал. Возможно, Уилсона удивило, что Вик вообще пришел на бал и что все его знакомые здороваются с ним как ни в чем не бывало.

Курсируя вокруг танцующих, Вик побеседовал с Макферсонами, Коуэнами и с неизменной миссис Поднански, чьи два внука сегодня тоже были на балу. Младший, Уолтер, только что окончил юридический факультет в Гарварде. В тот вечер Вик понял: Мелинда права, утверждая, что теперь его сторонятся незнакомцы. Танцоры показывали на него партнерам, а потом пространно, стараясь, чтобы он не услышал, перемывали ему косточки. Некоторые со смущенной улыбочкой отворачивались, когда он проходил мимо, хотя еще совсем недавно представились бы и завели разговор. Незнакомые люди часто спрашивали Вика о его типографии. Вообще-то, он не имел ничего против пересудов и шепотков. Как ни странно, от этого он чувствовал себя спокойнее и увереннее обычного, – может быть, потому, что всеобщее внимание практически гарантировало, что Мелинда не станет выходить за рамки приличий. Он видел, что Мелинде весело, хотя позже она наверняка скажет ему, что скучала. Она была прелестна в новом янтарно-желтом тафтяном платье без пояса, которое, будто подогнанное, плотно облегалo ее тонкую талию и крепкие бедра. К полуночи она успела потанцевать с пятнадцатью партнерами, в том числе с несколькими молодежавыми мужчинами, которых Вик не знал, – любой из них при обычных обстоятельствах мог бы стать преемником Ральфа Госдена, но сейчас Мелинда держалась с ними мило и обходительно, не кокетничая, не строя из себя ни девчонку-сорванца, ни роковую женщину и не притворяясь, что они вскружили ей голову, – все эти уловки он наблюдал не раз. Пила она тоже в меру. В тот вечер он по-настоящему гордился Мелиндой. Он часто испытывал гордость за то, как она выглядит, но очень редко – за то, как она себя ведет.

Закончился очередной танец, и Мелинда подошла к нему. До Вика донеслись слова какой-то женщины:

– Это его жена.

– Правда? Как она хороша!

Кто-то засмеялся, и Вик не расслышал, что было сказано дальше. Потом разговор продолжился:

– Понимаете, никто не знает! Но некоторые думают... Нет, он ведь... Ну нет, правда?

– Привет, – сказала Мелинда Вику. – Ты не устал стоять?

Во взгляде больших зелено-карих глаз сквозила укоризна – Мелинда часто так смотрела на мужчин, правда обычно с улыбкой. Сейчас она не улыбалась.

– Я не стоял. Немного вот посидел с миссис Поднански.

– Она ведь твоя подруга на вечеринках, да?

Вик рассмеялся:

– Принести тебе чего-нибудь выпить?

– Четверного виски.

Не успел он отойти за напитком, как подошел один из молодых людей, уже танцевавших с ней, и церемонно обратился к Вику:

– Вы позволите?

– Позволяю, – с улыбкой ответил Вик.

Он не думал, что это подчеркнутое «Вы позволите?» как-то связано с выдумкой про Макрея, хоть это и нельзя было исключить.

Бросив взгляд на Дона Уилсона, Вик увидел, что тот снова внимательно на него смотрит. Вик взял себе третью порцию лимонного мороженого – к спиртному его в этот вечер не тянуло

– и, заметив, что Мэри Меллер держится особняком, взял мороженого и ей. Мэри приняла угощение с приветливой, дружелюбной улыбкой.

– После танцев Эвелин с Филом зовут нас к себе, поплескаться в бассейне. Вы с Мелиндой поедете? – спросила Мэри.

– Мы не захватили купальных костюмов, – сказал Вик, хотя в подобных случаях это никого не останавливало – в бассейн Коуэнов бросались нагишом, по крайней мере Мелинда, Вик таких вещей немного стеснялся.

– За купальниками заедете по дороге. Хотя можно и без них обойтись, – весело сказала Мэри. – Ночь темная, кому какое дело?

– Спрошу Мелинду, – ответил Вик.

– Она сегодня просто очаровательна, правда? Вик... – Мэри коснулась его руки, и он чуть ближе наклонился к ней. – Вик, как тебе здесь? Все хорошо? Знаешь, все твои настоящие друзья ими и остаются, как и прежде. Надеюсь, ты сегодня не слышал ничего неприятного в свой адрес.

– Разумеется, не слышал! – с улыбкой заверил ее Вик.

– Мы с Эвелин все обсудили, они с Филом того же мнения, что и мы. Мы знаем: ты просто... просто пошутил, что бы там ни говорили Уилсоны и прочие.

– А что они говорят?

– Она – ничего. Это он говорит. Он считает, что ты чудной. Ну, мы все чудные, правда? – с веселым смешком сказала Мэри. – Наверное, он просто ищет сюжет для очередного рассказа. По-моему, это Дон чудной.

Хорошо зная Мэри, Вик сообразил, что она обеспокоена больше, чем показывает.

– А что он говорит? – спросил Вик.

– Ой, если верить ему, ты реагируешь не так, как положено. Могу себе представить, что ему наплел Ральф Госден. Так сказать, плеснул масла в огонь. Вот Дон Уилсон и заявляет, мол, к тебе нужно приглядеться поближе, ты вроде бы что-то скрываешь. – Последние слова Мэри прошептала, улыбаясь. – Я сказала ему, что мы вот уже девять или десять лет к тебе приглядываемся и считаем тебя одним из самых прекрасных, милых и самых открытых людей на всем белом свете!

– Миссис Меллер, позвольте пригласить вас на танец? – спросил Вик. – Как вы думаете, ваш муж не будет возражать?

– Вот это да, Вик! Даже не верится!

Он взял ее креманку с лимонным мороженым, отнес вместе со своей к буфетной стойке, а вернувшись, подхватил Мэри и закружил в вальсе. Вальс был его любимым танцем. Вик очень хорошо вальсировал. Мелинда заметила его и от удивления замерла на месте. Хорас и Эвелин тоже смотрели на него. Чтобы не выглядеть глупо, Вик умерил шаг – его переполняло радостное возбуждение, как будто на волю вдруг вырвалась давно сдерживаемая страсть. Если бы не теснившиеся вокруг пары, он бы просто летал с Мэри.

– Ничего себе! Ты великолепно танцуешь! – сказала Мэри. – Почему ты столько лет это скрывал?

Он даже не попытался ответить.

После вальса Вик еще долго испытывал нечто вроде триумфального восторга. Когда Мелинда закончила танцевать, он подошел к ней, отвесил легкий поклон и сказал:

– Мелинда, можно тебя пригласить?

Пряча удивление, она прикрыла глаза, отвернулась и произнесла:

– Ах, милый, я устала.

По дороге домой Мелинда спросила:

– Что это сподвигло тебя на танец?

Он, предупреждая ее шуточки, отшутился сам:

– Я решил эпатировать публику не только странностью, но и противоречивостью. Всем известно, что я никогда не танцую.

У Мелинды не было настроения ехать купаться к Коуэнам, но от их приглашения она отказалась очень любезно.

– Сегодня ты была обворожительна, – сказал ей Вик дома.

– Нужно было как-то смягчить нанесенный тобой урон, – ответила она. – Вот я и старалась изо всех сил.

Вик машинально пожал плечами, чуть улыбнулся и промолчал. Мелинда сегодня провела время не хуже, чем на других балах в клубе, где она, перевозбудившись, начинала флиртовать, слишком много пила или чинила еще какую-нибудь неприятность, от которой любовь к ним в городе не возрастала.

Той ночью, в постели, Вик вновь переживал минуты, когда он вальсировал с Мэри Меллер. Вспоминал злой взгляд Дона Уилсона, шепотки присутствующих. Наверное, некоторые – те, кто его почти не знает, – всерьез поверили, что он убил Малькольма Макрея. Именно на это намекала Мэри. Если бы она не знала его так хорошо или не думала, что так хорошо его знает, то и она стала бы его подозревать. Ведь тогда, на вечеринке, она как раз это и сказала: «Можно вот так терпеть, все ждать чего-то, а потом, в один прекрасный день, ты что-нибудь сделаешь». Он вспомнил ее слова; вспомнил и то, как умилился их смиренности. Да, все эти годы, что бы Мелинда ни вытворяла, он изображал спокойствие и невозмутимость. Он сознательно скрывал свои чувства; в начале ее первой интрижки они у него были – может быть, одно только потрясение, – но он их успешно подавлял. Это как раз и сбивало всех с толку. Он видел это по их лицам, даже по лицу Хораса. Вик не проявлял ревности, обычной в таких случаях, и рано или поздно в нем что-то должно было сломаться. К такому выводу приходили все. Поэтому-то его история и оказалась так хороша: что-то надломилось, и он убил одного из любовников Мелинды. Этому легче было поверить, чем тому, что он четыре года терпел, ничего не говоря и ничего не предпринимая. И вот взорвался – это же так по-человечески. Это людям понятно. Никто на белом свете не способен доказать, что он убил Малькольма Макрея, думал Вик, но ведь и то, что он никого не убивал, тоже никто не докажет.

6

После бала в честь Дня независимости прошло чуть больше двух недель, и как-то утром, завтракая с Трикси, Вик увидел в «Нью-Йорк таймс» заголовок:

НАЙДЕН УБИЙЦА РЕКЛАМНОГО АГЕНТА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

Спустя восемь месяцев раскрыто загадочное убийство Малькольма Макрея

Не донеся до рта ложку с кусочком грейпфрута, Вик погрузился в чтение. В штате Вашингтон полиция арестовала продавца галантерейной лавочки, который сознался в преступлении. В том, что это убийца, «сомнений нет», хотя обстоятельства еще уточняются. Задержанному, некоему Говарду Олни, был тридцать один год. Его сестра, артистка Филлис Олни, одно время «состояла в близких отношениях» с Макреем. Как говорилось в статье, Олни обозлился на Макрея, который якобы разрушил их с сестрой творческий коллектив. Они работали иллюзионистами в ночных клубах. Филлис Олни познакомилась с Макреем в Чикаго и полтора года назад, разорвав контракт, уехала с ним в Нью-Йорк. У Олни кончились деньги, сестра так ни разу ничего ему и не выслала, хотя обещала (из Мала было невозможно выжать ни гроша), а потом, по словам Олни, Макрей бросил его сестру прозябать в нищете. Год спустя Олни на попутках добрался до Нью-Йорка с единственной целью – отомстить за себя и сестру, убив Макрея. По мнению психиатров, освидетельствовавших Олни, у него наблюдаются маниакально-депрессивные тенденции, что, вероятно, будет принято во внимание судом.

– Пап! – Трикси наконец удалось привлечь к себе его внимание. – Да послушай же, сегодня я закончу твой ремень!

Видимо, она прокричала ему это уже раза три.

– Замечательно. Плетеный ремень?

– Других этим летом я не делаю, – с досадой произнесла Трикси.

Она высыпала в тарелку с кукурузными хлопьями пакетик воздушной пшеницы, тщательно перемешала и потянулась за бутылкой кетчупа. Трикси переживала эру кетчупа и поливала им все подряд, от яичницы до рисовой каши.

– Что ж, жду не дожусь, – сказал Вик. – Надеюсь, он получится достаточно длинным.

– Он громадный!

– Вот и славно.

Вик уставился на ее гладкие загорелые плечи под лямками джинсового комбинезона, рассеянно подумал, что не мешало бы ей взять с собой свитер, и вернулся к газете в руках.

Поскольку убийца ранее не общался со своей жертвой и не оставил никаких улик, – говорилось в статье, – преступление можно назвать почти «идеальным». Потребовались месяцы кропотливых расспросов всех друзей и знакомых убитого, прежде чем полиция вышла на след Олни...

Неизвестно, перепечатают ли статью в «Нью-Уэслиан» или нет, но в Литтл-Уэсли многие выписывают «Таймс», думал Вик. К вечеру все, кого это интересует, будут в курсе.

– А ты что, яичницу с беконом не будешь? – спросила Трикси, потому что обычно отбирала у него ломтик бекона.

Сейчас Вику было не до яичницы. У Трикси в тарелке плескалось море кетчупа, и даже по ее меркам хлопья с воздушной пшеницей вряд ли были съедобны. Он медленно встал, прошел на кухню, машинально зажег конфорку и положил в сковороду два ломтика бекона. Его мутило.

– Па-ап! У меня всего пя-а-ать минуток! – с угрожающими нотками в голосе крикнула Трикси.

– Сейчас, сейчас, кошечка! – крикнул он ей в ответ.

– Эй! С каких это пор ты меня называешь кошечкой?

Вик не ответил. Нужно поскорее рассказать Мелинде, подумал он, пока она не услышала новость от кого-нибудь еще.

Едва он поставил тарелку с беконом перед Трикси, как послышалось басовитое гудение школьного автобуса. Трикси заметалась и на ходу, не выпуская из рук ломтик бекона, схватила бадминтонную ракетку и любимую алую косынку, которую постоянно повязывала на шею. На пороге Трикси повернулась, сунула бекон в рот и с хрустом надкусила ломтик детскими зубками.

– Пока, папочка! – попрощалась она и скрылась за дверью.

Вик смотрел на диван в гостиной, вспоминая, как Мал, перебрав спиртного, однажды уснул на нем, правда потом пришел в себя и попросился в гостевую спальню. Вик мысленно увидел, как совсем недавно на этом диване лежал Ральф, упираясь головой в тот же подлокотник, что и Мал. Наверное, Ральфа позабавит эта история. Может быть, он даже вернется.

Вик прошел на кухню, подогрел кофе, налил чашку для Мелинды и добавил немного сахара. Потом направился с кофе к двери ее комнаты и постучал.

– Мм?

– Это я. Кофе тебе принес.

– Входи-и, – полусонно, полудосадливо протянула она.

Он вошел. Она раскинулась на спине, подложив руки под голову. Спала она в пижаме, без подушки – как-то по-спартански, думал Вик, когда заходил ее будить и видел в постели одну. Даже студеными зимними утрами спальню насквозь продувал ветер, вздымая занавески в распахнутом настежь окне. Как правило, одеяло было сброшено на пол, потому что, даже когда подмораживало, Мелинде и без него было жарко. Вот и сейчас одеяло валялось на полу, а Мелинда лежала под простынями.

Вик протянул ей большую чашку кофе. Чашка была ее собственная – бело-голубая, с ее именем.

От первого горячего глотка она поморщилась.

– Ох-х, – простонала она, откидываясь в кровати.

Чашка опасно накренилась.

Вик сел на жесткую скамеечку перед туалетным столиком.

– Я тут прочел кое-какие новости, – сказал он.

– Да? А что случилось?

– Нашли убийцу Мала.

Она приподнялась на локте, сон у нее как рукой сняло.

– Правда? И кто же это?

Газета была у него под мышкой. Он дал ее Мелинде.

Заметку Мелинда прочла жадно, с каким-то веселым блеском в глазах, из-за которого Вик не мог оторвать от нее взгляда.

– Ну надо же! – наконец произнесла она.

– Полагаю, ты довольна. – Вику удалось сохранить мягкий тон.

Она стрельнула в него взглядом, твердым и быстрым, будто пулей.

– А ты разве нет?

– Вряд ли я доволен так, как ты, – сказал Вик.

Она выпрыгнула из постели, на секунду замерла рядом с ним – белая пижама, босые ноги с алым лаком на ногтях, – посмотрелась в зеркало и откинула с лица волосы.

– Ну да, ты недоволен. Еще бы.

И она, гибкая, как Трикси, метнулась в ванную.

У кровати зазвонил телефон, и Вик сразу подумал, что это Хорас. Тот тоже выписывал «Таймс». Вик вышел, миновал гостиную и взял трубку в коридоре.

– Аллю.

– Привет, Вик. Видел сегодняшнюю газету?

По голосу было слышно, что Хорас улыбается, но не злорадно, а по-дружески.

– Да, видел.

– Ты знал этого человека?

– Нет, никогда о нем не слышал.

– Что ж... – Хорас подождал, не скажет ли Вик что-нибудь. – По крайней мере, люди перестанут болтать.

– Я не слышал, чтобы кто-то особо болтал, – холодно заметил Вик.

– Ох, Вик, а я слышал. И говорили не самое хорошее.

– Ну, зато Мелинда рада.

– Вик, ты знаешь мое мнение. – Хорас замялся, подыскивая нужные слова. – По-моему, ты... по-моему, за последние месяцы она проделала большой путь. Надеюсь, так будет и дальше.

Вик прислушивался к журчанию воды в ванной. Мелинда принимала душ, а значит, трубку у себя в комнате не брала, однако Вик не решался обсуждать личные проблемы с Хорасом.

– Спасибо, Хорас, – наконец сказал он.

В типографию Вик обычно приезжал к четверти или к половине десятого, но сейчас, в десять минут десятого, он все еще сидел в гостиной: ждал, когда Мелинда закончит одеваться, ждал, что еще она скажет ему этим утром, и жаждал узнать, куда это она собралась. Она явно спешила, а значит, у нее была цель. Она куда-то позвонила из спальни, но закрытая дверь заглушала слова, да Вику и не хотелось их слышать.

Он не думал, что она возобновит встречи с Ральфом, поскольку тот зарекомендовал себя трусом. Джоэл был в Нью-Йорке, что, в общем-то, недалеко, если Мелинда вознамерилась с ним увидеться. Вик достал сигарету из пачки на коктейльном столике розового дерева. Он совсем недавно смастерил этот столик и тщательно, как линзу, отполировал чуть вогнутую столешницу. Старый столик, который Вик сделал во времена Ларри Осборна, несмотря на многочисленные защитные слои воска, был безнадежно испорчен следами от сигарет и коктейльных бокалов, так что реставрировать его не хотелось. Наверное, и новый столик розового дерева вскоре покроется кольцами от бокалов и прожженными отметинами. Услышав, как Мелинда открывает дверь, Вик сел на диван и сделал вид, что погружен в чтение.

– Ты что, наизусть статью заучиваешь? – спросила Мелинда.

– Я другое читал. Вышла новая книга об альпинизме, хочу вот купить.

– Да-да, замечательный и, главное, безопасный вид спорта. Для тебя в самый раз.

Мелинда взяла сигарету и закурила. На ней была белая блузка, коричневая вельветовая юбка-клеш и коричневые мокасины. Футляром для ключей она беспокойно постукивала по раскрытой ладони. Вид у нее был взволнованный и возбужденный, как всегда в начале новой интрижки. В таком настроении Мелинду всегда штрафовали за превышение скорости.

– Куда собралась? – спросил Вик.

– Мм, да я только что договорилась пообедать с Эвелин. Так что домой к обеду меня не жди.

Вик не мог понять, лжет она или нет. Из ее ответа было неясно, куда она направляется. Он встал, потянулся, аккуратно одернул свитер.

– Может, вечером по коктейлю? Успеешь часам к шести в «Честерфилд»?

Она потупилась, как школьница, выводя дугу носком мокасины на полу.

– Нет, Вик. Тебе ведь там не нравится. Но спасибо за приглашение.

– Извини. – Он улыбнулся. – Ну ладно, я пошел.

Они вместе вошли в гараж и сели каждый в свою машину. Пока Вик прогревал двигатель, бледно-зеленый кабриолет Мелинды уже катил по дороге.

7

Через два или три дня после прояснения истории с Макреем в типографию позвонил некий мистер Касселл, назвался представителем ист-лаймского агентства недвижимости «Бинкли» и объяснил, что на Вика сослались как на поручителя мистера Чарльза де Лайла, желавшего снять дом.

– Чарльза де Лайла? – озадаченно переспросил Вик.

Он никогда о таком не слышал.

– Мистер ван Аллен, прошу прощения, что беспокою вас на работе, но мы не дозвонились до вашей жены по ее домашнему телефону. На самом деле у меня тут записано: «Миссис Виктор ван Аллен», но я подумал, что за мистера де Лайла наверняка сможете поручиться и вы. Как, по-вашему, он человек ответственный? Вы же понимаете, нам требуется предоставить отзыв домовладельцу.

Вик вдруг вспомнил, откуда знает имя Чарльз де Лайл: так звали пианиста из бара «Лорда Честерфилда».

– Я не совсем... Полагаю, что да, ответственный. В полдень я поговорю с женой и попрошу ее перезвонить вам сегодня после обеда.

– Очень хорошо, мистер ван Аллен. Мы будем очень вам благодарны. Спасибо большое. До свидания.

– До свидания.

Вик повесил трубку.

Стивен ждал его с образцами новой бумаги. Они начали вместе осматривать их, держа перед голой лампочкой в двести ватт и тщательно проверяя равномерность толщины. Бумага предназначалась для следующей книги «Гринспер Пресс» – сборника стихов Брайана Райдера, молодого преподавателя колледжа Бард¹⁸. У Стивена глаза были зорче, и он лучше различал тонкости фактуры, проявлявшиеся на ярком свете, но в оценке общего качества бумаги и ее способности держать краску Вик больше доверял себе. Отсмотрев шесть сортов бумаги, за несколько минут они отсеяли четыре и наконец сошлись во мнениях по поводу одного из оставшихся двух.

– Заказ сейчас отослать? – спросил Стивен.

– Да, наверное. В прошлый раз они возились целую вечность.

Вик вернулся к письменному столу, за которым писал письма об отказе трем поэтам и одному романисту, приславшим рукописи в прошлом месяце. Вик всегда писал отказы сам и от руки, во-первых, потому, что не любил их писать, но не хотел обременять этим Стивена, а еще потому, что считал вежливое письмо от издателя, написанное от руки, единственным цивилизованным способом общения с людьми, чьи произведения приходится отвергать. В основном он получал хорошие рукописи. Некоторые были очень хороши, и он рад был бы их опубликовать, но невозможно печатать все, что тебе нравится, поэтому авторам очень хороших рукописей он любезно советовал, куда их лучше пристроить. Его письма по большей части выглядели приблизительно так: «...Как Вы, вероятно, знаете, „Гринспер Пресс“ – небольшое издательство. У нас всего два ручных печатных станка, и поскольку производственный процесс занимает много времени, мы не имеем возможности печатать больше четырех книг в год...» Тон его писем был скромным и соответствовал духу «Гринспер Пресс». Вик чрезвычайно гордился

¹⁸ Престижный частный гуманитарный колледж, расположенный в Аннандейле-на-Гудзоне (округ Датчесс, штат Нью-Йорк). Является национальным историческим памятником США. Основан Джоном Бардом в 1860 г. как колледж Святого Стефана.

медленным производством и тем, что «Гринспер Пресс» обычно требовалось пять дней, чтобы набрать десять страниц.

Особенно Вик гордился Стивеном Хайнсом и благодарил судьбу за то, что нашел его. У тридцатидвухлетнего Стивена были жена и маленький ребенок, а сам он был человеком неприятным, с ровным характером и проявлял бесконечное терпение в типографской работе, предполагавшей постоянные правки и выверки. Он был такой же дотошный, как Вик, и Вик в первые два трудных года даже и подумать не мог, что когда-нибудь рядом окажется кто-нибудь столь же скрупулезный, как он сам. И вот однажды, шесть лет назад, в издательство Вика явился Стивен. Раньше он работал в небольшой промышленной типографии в Бруклине, но хотел жить за городом и решил, что ему должно понравиться в «Гринспер Пресс». Вик сначала взял его на зарплату по профсоюзной ставке, а через две недели повысил ее на двадцать процентов. Стивен отказывался от прибавки. Ему полюбилась типография, полюбилась зеленая гористая местность – он был родом из Аризоны, где ферму его отца снесло песчаной бурей. В то время он еще не был женат, а через год привез из Нью-Йорка свою девушку, Джорджиану. Пять лет назад они поженились. Вик был у них шафером. Джорджиана, тихая и скромная, тоже обожала здешнюю природу и очень подходила Стивену. Они купили гостевой домик в большом имении, расположенном между Литтл-Уэсли и Уэсли. Домик стоял в глубине леса у дороги, которую Стивен расчистил и расширил, чтобы машина проезжала свободно. Деньги на покупку дома молодоженам ссудил Вик, и Стивен уже вернул ему три четверти суммы. Он был предан Вику, хоть и не выставлял своей преданности напоказ. Она проявлялась главным образом в уважении к Вику. Он называл Вика сэром до тех пор, пока тот через пару месяцев не отпустил по этому поводу шутку. Теперь Вик не был вполне ни «мистером ван Алленом», ни «Виком», и Стивен в глаза никак его не называл.

Вторым работником «Гринспер Пресс» был Карлайл, согбенный старик лет шестидесяти, которого Вик спас от нищеты и прозябания. Карлайл побирался на улицах Уэсли, выпрашивал четвертак на выпивку. Вик купил ему выпить и, поговорив с ним, предложил взять его в типографию, разнорабочим и подметальщиком. Карлайл согласился. Теперь он пил всего два раза в год: в Рождество и в свой день рождения. Семьи у него не было. Вик платил ему достаточно для того, чтобы снимать уютную комнату в доме у пожилой женщины в северной части Литтл-Уэсли. За четыре года работы у Вика круг обязанностей Карлайла расширился и теперь включал в себя сортировку почты, смазку типографских станков, помощь Стивену в креплении печатных форм, переноску и доставку грузов на железнодорожную станцию Уэсли и обратно. Из него вышел неплохой водитель легкого грузового «доджа», что всегда стоял у заднего входа в типографию. Можно было поспорить, зарабатывает ли Карлайл на свои шестьдесят долларов недельного жалованья, но ведь и «Гринспер Пресс» себя не окупает, логически рассуждал Вик и считал, что, наняв Карлайла, когда никто другой не сделал бы этого, он вносит свой вклад в то, чтобы тот прожил последние годы безбедно. Поскольку худшие проступки Карлайла сводились к тому, что он пару раз заводил «додж» в придорожную канаву, дважды в год напивался и жевал табак – Карлайл был неисправимым любителем жевательного табака и поставил в углу печатни плевательницу, которую опустошал с разумной частотой, – то Вик готов был его держать на работе, пока бедолага не умрет от старости.

Сама типография представляла собой одноэтажное темно-зеленое строение, почти скрытое раскидистыми кронами деревьев. У него была странная форма: старенький амбар, в каких хранят инструмент, Вик переоборудовал под печатню, где размещались станки и наборные столы, и пристроил с одного боку небольшой квадратный флигель, который служил кабинетом, а с другого – склад для бумаги и шрифтов. Чтобы исключить попадание влаги внутрь здания, Вик покрыл стены снаружи кровельным изоляционным материалом, а поверх него – листовой жстью, которую потом покрасил. Изрытая колеями извилистая тропа вела от типографии к

грунтовой дороге, проходившей ярдах в двухстах. Типография находилась в десяти минутах езды от дома Вика.

В тот день, когда ему позвонили насчет Чарльза де Лайла, Мелинда к часу домой не вернулась. Вик пообедал в одиночестве и стал за столом читать книгу. Он чувствовал странное беспокойство, как будто он расхаживает по пустому дому, а за ним кто-то следит. Он поставил григорианские песнопения и включил погромче, чтобы слышать в гараже, когда, как обычно, в три часа пополудни, вносил с улицы ящики с рассадой. Мелинда не оставила никакой записки. Вик даже поискал в ее комнате, хотя если Мелинда и решала как-то предупредить его, то оставляла записку в гостиной – посередине, на полу.

Неужели она с Чарльзом де Лайлом? Вопрос всплыл на поверхность сознания, как пузырь, и неприятно лопнул, когда сложился в слова. С чего вдруг он так подумал? Он помнил лицо Чарльза де Лайла, но очень смутно: кажется, такое чернявое – узкое, смуглое, – и волосы густо набриолилены. Вик тогда еще подумал, что Чарльз де Лайл похож на жуликоватого итальяшку. Видел он его всего один раз, как-то вечером, недели три назад, когда они с Мелиндой пошли в бар «Лорда Честерфилда», выпить по коктейлю. Вопреки обыкновению Мелинда ни слова не сказала о его игре на пианино.

Вик выбросил мысли о Чарльзе де Лайле из головы. Ему не хотелось брать на себя грех беспричинно подозревать кого бы то ни было. Мелинда всегда оставалась невиновной, пока сама себя не изобличит.

В тот вечер Вик приехал домой без четверти семь, но Мелинда еще не вернулась. Трикси была дома с половины пятого, и Вик спросил, не объявлялась ли мама.

– Да нет, – равнодушно ответила Трикси.

Она, лежа на животе, читала на полу комиксы в «Нью-Уэслиан».

Трикси привыкла к тому, что мамы частенько не бывало дома. Так происходило почти всю ее жизнь.

– Может, поиграем в скрэббл?¹⁹ – предложил Вик.

Трикси подняла на него взгляд, раздумывая. Ее обласканное солнцем овальное личико вдруг напомнило Вику желудь, блестящий новенький желудь, только что упавший с дерева: его заостренным кончиком был подбородок Трикси, а шляпкой – прямая челка и ровные, недавно подстриженные волосы, доходившие до середины ушей.

– Давай! – наконец сказала Трикси, вскочила на ноги и сняла с книжной полки коробку с игрой.

Зазвонил телефон. Вик снял трубку.

– Вик, я буду дома где-то в восемь, – сказала Мелинда. – Ты поешь, если хочешь, но я кое-кого приведу в гости – если ты не возражаешь, – с трудом договорила она, и он понял, что она уже в подпитии. – Ладно?

– Ладно, – ответил он. С кем она придет, он тоже понял. – Хорошо, увидимся.

– Пока.

Он повесил трубку.

– Мама будет только через час, детка, – сказал Вик. – Есть хочешь?

– Не хочу, – ответила Трикси.

Трикси любила есть с ними. Она могла ждать часами – хотя у Вика крайним сроком для нее было девять вечера, – чтобы поужинать вместе с ними. Обычно они садились за стол примерно в половине девятого. Сегодня так не получится, подумал Вик. Он заставил себя сосредоточиться на игре. Чтобы немного выравнять счет, он делал один ход на два хода Трикси. Пишет она уже грамотнее, чем ее мать, отметил про себя Вик, но говорить об этом Трикси

¹⁹ Популярная игра, в ходе которой игроки должны составить максимальное количество слов из отдельных букв на игровой доске, аналог русскоязычного «Эрудита» или «Словодела».

было бы, по его мнению, непедagogично. Вик научил ее читать, когда ей было три года. Они уже вовсю играли вторую партию, Трикси успела уплести шоколадный пончик с кетчупом и почти совсем стемнело, когда Вик услышал, что к дому подъезжают две машины.

Трикси тоже услышала и склонила голову набок.

– Двое приехали, – сказала она.

– Мама пригласила гостя.

– Кого?

– Не знаю. Она сказала только, что кое-кого приведет. Твой ход, Трикси.

Он услышал невнятное бормотание Мелинды и ее шаги по каменным плитам. Затем дверь распахнулась.

– Привет! – крикнула Мелинда. – Проходи, Чарли. Вик, познакомься, это Чарли де Лайл. Чарли, а это мой муж. – Она небрежно махнула рукой в его сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.